

ПУСТАЯ ПОДКА

Перед вами беседы знаменитого Ошо о высказываниях Чжуан Цзы.

Как слова могут передать то послание, что лишено слов? Что можно сказать о просветленном Мастере? Суть послания за пределами слов парадоксальна; и Ошо, и Чжуан Цзы просят нас принять парадокс, отложить в сторону ум и логику и стать пустыми. Только когда мы избавимся от наших обусловленностей, идей и ожиданий — наших эго — их просветление может стать нашим собственным.

Бхагаван Раджниш

Пустая лодка. Беседы по высказываниям Чжуан Цзы

Язык Ошо неповторим. В своих беседах Он предельно краток и каждое Его слово наполнено глубочайшим смыслом. Поэтому нам не представляется возможным суметь передать в переводе всю музыку звучания Его речи. Ограниченные конечными сроками издания книги, мы вынуждены были пойти на компромисс, и стремились сохранить хотя бы самые внешние и очевидные смысловые слои, часто в ущерб удивительной краткости и немногословности Мастера. Поэтому мы хотим извиниться перед читателями за возможно неудачные обороты, не всегда точную передачу игры слов и другие «шероховатости» предлагаемого перевода.

[Читать полный вариант книги](#)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Как слова могут передать то послание, что лишено слов? Что можно сказать о просветленном Мастере? Суть послания за пределами слов парадоксальна; и Ошо, и Чжуан Цзы просят нас принять парадокс, отложить в сторону ум и логику и стать пустыми. Только когда мы избавимся от наших обусловленностей, идей и ожиданий — наших эго — их просветление может стать нашим собственным.

Чжуан Цзы тысячелетие назад, и Ошо сегодня — они объединяются в заговоре сделать нас никем, пустыми сосудами, способными принять бессловесное, вечное, которое воплощают они.

В этих лекциях Ошо делает очевидным для нас то, что в нашем нынешнем состоянии бытия-делания для лишённого слов в нас просто не находится места, где оно могло бы присесть и отдохнуть. И оно ждет там, внутри нас, хоть одного свободного уголка; поглощенность заботами, наши планы — закрывают дверь, и мы упускаем его. Но при всяком усилии добраться до этой пустоты мы сталкиваемся с парадоксом — усилия и амбиции лишь подпитывают эго и обрекают нас на полную неудачу. Так что же мы можем сделать?

Ошо говорит нам, что ничего делать как раз и не надо, все делание исходит от эго. Но мы можем находиться в состоянии восприимчивости, мы можем быть открытыми и принимать все существование, все происходящее. Обходя наш критический ум, Его слова просачиваются в нас, в самую сердцевину нас, в самую душу, и мы становимся подобны пустым лодкам.

Размышлять над этими словами, над их значением — это путь к замешательству. Ошо использует противоречие, как технику, и с ее помощью ему удается обратиться и достучаться до всех типов личности. Он знает каждую причуду и поворот наших эго, каждый трюк нашего ума. Он на много шагов впереди нас. Ошо отнюдь не пытается обратить нас в рабов Своих правил, наоборот, Он никому враг. У него столько любви к нашей обезьяньей природе, что все Его усилия направлены на то, чтобы помочь нам осознать наши порабощения и вырваться из подчинения им. Он шокирует, вытряхивает нас из наших удобных клеток, чтобы мы могли через пробужденность и осознанность понять и изменить их.

Вы сомневаетесь во мне, но вы никогда не сомневаетесь в себе, потому что как только ум начинает сомневаться в себе, он сразу же перестает существовать. Раз возникло само-сомнение, то основание разбито, ум утратил свою уверенность. Раз вы начинаете подвергать сомнению ум, то, рано или поздно, вы сорветесь в бездну медитации.

При чтении Ошо самое большее, что можно сделать — это быть восприимчивым, позволить невысказанному посланию проникнуть в нас, затесавшись между слов.

"Но я утверждаю, что смогу помочь вам, потому что я не специалист, не эксперт, я не посторонний. Я путешествовал по той же самой тропе... Я прошел через то же, что и вы — через то же страдание, ту же муку, через такие же ночные кошмары. И что бы я ни делал, все это лишь для того, чтобы убедить вас — убедить избавиться от вашего безумия.

Где бы вы ни были, я бывал там, и повсюду, где побывал я, можете быть и вы. Вглядитесь в меня так глубоко, как только возможно, и почувствуйте меня так глубоко, как только сможете, потому что я — ваше будущее. Я — ваше возможное".

Ма Прэм Парас

Большинство из нас живут в мире времени: в воспоминаниях о прошлом и в предвкушении будущего. Лишь иногда мы прикасаемся к безвременному потоку настоящего — в моменты внезапной красоты или внезапной опасности, при встрече с любимым человеком или с какой-то неожиданностью. Очень немногие сумели покинуть этот мир времени и ума, амбиций и конкуренции, и смогли начать жить в мире, лишенном времени. И лишь единицы из них пытались поделиться своим опытом с другими. Лао Цзы, Гаутама Будда, Боддхидхарма... или — ближе к нашим дням — Георгий Гурджиев, Рамана Махарши, Кришнамурти... Современники считали их либо чересчур эксцентричными, либо сумасшедшими, а после смерти их стали называть «философами». Со временем «философы» превратились в легенды: живые люди из плоти и крови обернулись мифическими отражениями нашего общего желания вырваться за пределы ничтожности, банальности и бессмысленности нашей обыденной жизни.

Ошо из числа тех, кто отыскал дверь, ведущую в безвременный поток настоящего — он называл себя «истинно живущим» — и посвятил свою жизнь пробуждению других к поиску этой двери, к побегу из мира прошлого и будущего и к открытию в себе мира вечности.

Ошо родился 11 декабря 1931 года в деревне Кучвада штата Мадья Прадеш в Индии. С раннего детства Он проявил бунтарский и независимый дух, настаивая на личных переживаниях истины, которые ставил много выше, чем знания и убеждения, заимствованные у других.

После просветления в возрасте двадцати одного года Он завершил академическое образование и несколько лет преподавал философию в университете города Джабалпур. В это время Он много путешествовал по Индии, выступал с лекциями, вызывал на спор в публичных дискуссиях ортодоксальных религиозных лидеров, подвергал сомнению традиционные верования и встречался с людьми из самых разных слоев общества. Он очень много читал — все, что могло расширить Его понимание системы убеждений и психологии современного человека. В конце шестидесятых годов Ошо начал развивать Свои уникальные динамические медитационные техники. «Человек нашего времени, — говорил Он, — настолько обременен застывшими традициями прошлого и тяготами повседневности, что он должен пройти через процесс глубинного очищения, прежде чем может надеяться войти в свободное от мыслей, расслабленное состояние медитации».

В начале семидесятых годов первые люди с Запада стали приезжать к Ошо. В 1974 в Индии, в Пуне, вокруг Него была основана коммуна, и маленький ручеек приезжающих с Запада превратился в наводнение. В процессе своей работы Ошо затрагивал фактически все аспекты развития человеческого сознания.^[1] Он выделял основное, суть, то, что важно для духовного поиска современного человека, основываясь не на интеллектуальном понимании, а на опыте собственного существования.

Он не принадлежал ни к какой традиции. «Я — начало абсолютно нового религиозного сознания», — говорил Он. — «Пожалуйста, не связывайте меня с прошлым — его не стоит даже и вспоминать».

Его беседы с учениками и ищущими со всего света опубликованы более чем в шестистах томах и переведены на тридцать с лишним языков. Он говорил: "Мое послание — не доктрина, не философия. Мое послание — это своего рода алхимия, наука трансформации, поэтому лишь тот, кто сумеет умереть таким, каков он есть и возродиться настолько обновленным, что не может себе это сейчас даже представить... только те немногие смельчаки будут готовы услышать, ибо слышать — значит идти на риск.

«Слушая, вы делаете первый шаг к новому рождению. Так что это не философия, которой

можно пользоваться, как надежным укрытием, или которой можно похвастаться перед другими. Это не доктрина, дающая утешительные ответы на тревожащие вопросы... Нет, мое послание — вообще не разновидность словесного общения. Оно гораздо опаснее. Это не более, не менее, чем смерть и возрождение».

Ошо покинул Свое тело 19 января 1990 года. Его огромная коммуна продолжает оставаться крупнейшим центром духовного роста в мире, привлекая ищущих со всего света, которые приезжают, чтобы принять участие в медитациях, терапевтических группах и группах работы с телом, в творческих программах или чтобы просто испытать на собственном опыте, что это такое — оказаться в «поле Будды».

1. ГРЕНКИ ПОДГОРЕЛИ [2]

Управляющий людьми живет в смятении;
управляемый людьми живет в печали.
Поэтому Дао не желало
ни влиять на других,
ни быть подвластным их влиянию.
Путь избавления от смятения и печали —
жить с Дао в стране пустоты.
Если человек переплывает реку,
и пустая лодка сталкивается с его лодкой,
то, даже если он дурного нрава,
он не станет сердиться.
Но, увидев в той лодке человека,
он крикнет ему, чтоб тот получше правил.
И, если крик его не услышан, он крикнет
вновь, и еще раз, и начнет сыпать проклятиями —
а все оттого, что там, в лодке, кто-то есть.
А все же, будь лодка пуста,
он бы не орал
и даже не сердился бы.
Если ты можешь опустошить собственную лодку,
плывя через реку жизни,
никого не будет против тебя,
никто не станет причинять тебе вред.
Прямое дерево срубят первым,
вешние ручьи раньше всех пересохнут.
Если ты желаешь преумножить свою мудрость
и устыдить невежество,
приобрести репутацию и затмить других,
то свет будет сиять вокруг тебя,
будто ты поглотил луну и солнце —
и не миновать тебе беды.
Мудрец заметил:
"Довольный собой
трудился зря.
Достижение — начало неудачи,
слава — начало позора".
Кто способен, отказавшись от славы и достижений,
спуститься затем и затеряться
среди человеческих толп?
Тот будет плыть, как Дао, невидим,
ходить свободно повсюду, словно сама жизнь,
без имени и без дома.
Тот прост, неприметен.
С какой стороны ни глянь — дурак.

За ним не остается следов. Он не обладает властью.
Он ничего не достигает, слава минует его.
Поскольку он не судит,
не судят и его.
Таков совершенный человек —
его лодка пуста.

Вы пришли ко мне. Вы сделали опасный шаг. Это рискованно, потому что рядом со мною вы можете потеряться навсегда. Подойти ближе может означать только смерть, и ничто иное. Я похож на бездну. Подойдите поближе — и вы сорветесь в меня. Вам был зов к этому. Вы слышали, и вы пришли.

Знайте, через меня вы ничего не достигнете. Через меня вы можете только все потерять — потому что, пока вы не потеряете этого всего, божественное не сможет зародиться в вас; пока вы полностью не исчезли, ничего стоящего не получится. Вы — преграда.

И вы так полны, так упрямо полны, вы настолько переполнены собою, что ничто не может проникнуть в вас. Ваши двери закрыты. Когда вы пропадаете, когда вас нет, они открываются. И тогда вы становитесь похожи на бескрайнее, бесконечное небо.

Это — ваша природа. Это — Дао.

Прежде чем мы начнем разговор о прекрасной притче Пустой Лодки Чжуан Цзы, я хотел бы рассказать вам другую историю историю, потому что она будет задавать направление деятельности медитационного лагеря, в который вы вступаете.

Рассказывают, что однажды, давным-давно, в какой-то далекой стране, сошел с ума принц. Король был вне себя от отчаяния — принц, его единственный сын, единственный наследник королевства! Были призваны все волшебники, колдуны, были созваны лекари, было сделано все возможное, но все это было напрасно. Никто не мог помочь молодому принцу, тот оставался безумен.

В день, когда он сошел с ума, он сбросил с себя всю одежду и, оставшись голым, залез под большой стол и заявил, что будет теперь жить там. Он считал, что он стал петухом. В конце концов королю пришлось смириться с тем фактом, что принца вылечить не удастся, что он безумен, и ничего с этим не поделать; все специалисты потерпели поражение.

Но в один прекрасный день надежда возродилась вновь. Мудрец — Суфий, мистик — постучался в дворцовые двери и предложил: «Давайте, я вылечу вашего принца».

Правда, король заподозрил неладное, потому что этот человек и сам смахивал на безумца, пожалуй, даже еще безумнее принца. Но мистик заявил: «Только я могу вылечить его. Чтобы излечить сумасшедшего, нужен еще больший сумасшедший. А все эти ваши великие деятели, эти ваши твои маги, ваши светила медицины, — все они потерпели неудачу, потому что им неведомы азы сумасшествия. Они никогда не вставали на этот путь».

Это показалось логичным, и король подумал: «Хуже уже не будет, так чего ж не попытаться?» Итак, мудрецу предоставили такую возможность.

В тот же момент, как король произнес: «Ладно, попробуй», — этот мистик скинул свою одежду, запрыгнул под стол и кукарекнул петухом.

Принц удивился и спросил: «Ты кто? И что это ты кукарекаешь?»

«Я петух, и, кстати, поопытнее тебя. — ответил старец. — Ты — ничто, ты всего лишь новичок, в лучшем случае — ученик».

«Ну, тогда то, что ты петух — это нормально, но выглядишь ты, как человек», — сказал принц.

Старец заметил: «Не обращай внимания на внешность, посмотри на мой дух, загляни мне в душу. Я такой же петух, как и ты».

Они подружились. Они поклялись всегда жить вместе и всегда противостоять всему этому миру, недолюбливающему петухов.

Прошло несколько дней. Однажды старец внезапно стал одеваться. Он надел рубаху. «Что ты делаешь, — поразился принц. — ты что, спятил: петух пытается надеть человечесье платье?»

Старец возразил: «Я намерен всего лишь обмануть этих дураков, называющих себя человеческими существами. И запомни: одет я или нет, это ничего не меняет. Моя петушиность всегда при мне, никто не в силах этого изменить. Ты что, думаешь, что одевшись человеком, я изменюсь?» Принцу пришлось согласиться.

Еще через несколько дней старец убедил принца тоже одеться, потому что наступала зима и становилось холодно.

Затем, в другой раз, он вдруг потребовал пищу из дворца. Принц насторожился и воскликнул: «Несчастный, что ты делаешь? Не собираешься ли ты есть наподобие этих человеческих существ, так же как они? Мы — петухи, и мы должны есть по-петушину».

«Что касается меня, — ответил старец, — то мне все равно. Ты можешь есть все, что угодно, и делать все, что тебе нравится. Ты можешь даже жить как человеческое существо, оставаясь верным своей петушиности».

Так, одно за другим, старец убедил принца вернуться в мир людей. Тот стал абсолютно нормален.

Аналогично и у нас с вами. И помните — вы только-только посвящены, вы новички. Вы можете думать, что вы петух, но вы еще только учите алфавит. Я — опытен, я искусен в этом, и только я могу вам помочь. Все специалисты потерпели поражение, поэтому вы здесь. Вы стучались во многие двери, в течение многих жизней вы искали — и никто не смог помочь вам.

Но я утверждаю, что смогу вам помочь, потому что я не специалист, не эксперт, я не посторонний. Я путешествовал по той же самой тропе, по тому же безумию, по такому же сумасшествию. Я прошел через то же, что и вы — через то же страдание, ту же муку, через такие же ночные кошмары. И что бы я ни делал, все это лишь для того, чтобы убедить вас — убедить избавиться от вашего безумия.

Думать, что ты петух — помешательство; думать, что ты тело — это тоже помешательство, даже еще более тяжелое. Считать себя петухом — это сумасшествие; но считать себя человеческим существом — это еще большее сумасшествие, ибо вы не принадлежите никакой форме. Какова бы ни была форма — петуха или человеческого существа — значения она не имеет, вы принадлежите бесформенному, вы принадлежите полному, целому, единому. Поэтому, какую бы форму вы ни принимали за себя самого, вы сходите с ума. Вы бесформенны. Вы не принадлежите ни к одному телу, вы не принадлежите ни к какой касте, религии, вере; вы не принадлежите ни к какому имени. И пока вы не станете бесформенны, безымянны, вы никогда не будете психически здоровы.

Психическое здоровье означает движение к тому, что естественно, движение к тому, что основное в вас, движение к тому, что скрыто позади вас, позади всякой формы, в вас самих. Необходимо множество усилий, потому что отсечь форму, отбросить, изъять ее — очень трудно. Вы так привязались к ней и отождествили себя с нею!

Этот Самадхи Садхана Шибир, этот медитационный лагерь — он существует для того, чтобы убедить вас устремиться к бесформенности — научить вас быть вне формы. Каждая форма означает эго: даже у петуха есть свое эго, и у человека есть свое. Любая форма сосредоточивается в эго. Бесформенность означает отсутствие эго; тогда вы не

сконцентрированы в эго, тогда ваш центр, ваше средоточие, ваша основа — повсюду и нигде. Это возможно, это, кажущееся почти невероятным, — это возможно, и что именно это произошло со мной. И когда я говорю с вами об этом, то я говорю, исходя из своего опыта.

Где бы вы ни были, я бывал там, и повсюду, где побывал я, можете быть и вы. Вглядитесь в меня так глубоко, как только возможно, и почувствуйте меня так глубоко, как только сможете, потому что я — ваше будущее. Я — ваше возможное.

Когда бы я ни говорил «сдаться мне», я имею ввиду сдаться, отдаться этому возможному. Вас можно исцелить, ибо болезнь ваша — всего лишь идея, мысль. Принц сошел с ума, потому что он отождествил себя с идеей, что он — петух. Каждый из нас — сумасшедший, пока он не придет к пониманию того, что он не отождествим ни с какой формой — только тогда психическое здоровье возможно.

Итак, психически здоровый не будет никем в частности, не будет иметь никакой формы. Не может иметь. Только сумасшедший может быть кем-то конкретно — петухом ли, человеком ли, премьер-министром или президентом, или кем угодно еще. Нормальный психически ощутит свою нетелесность. В этом заключается главная опасность...

Вы пришли ко мне как кто-то, как некто, но, если вы мне позволите, если вы предоставите мне такую возможность, этот некто сможет исчезнуть, и вы станете никем. Все усилия направлены на то, чтобы сделать вас никем. Но зачем? Зачем стремиться стать никем? Затем, что, пока вы не сумеете этого, вы не можете быть блаженны; пока вы этого не добьетесь, вам не достигнуть экстаза; пока вы не станете никем, благословение не для вас — вы продолжаете растрачивать жизнь попусту.

На самом деле вы не живете, вы — обуза, вы просто влачите себя, как тяжкую ношу. Вам достается много боли, много отчаяния, много печали, но ни единого лучика блаженства — он не может пробиться к вам. Если вы кто-то, вы точно сплошной каменный монолит, ничто не может проникнуть в вас. Когда вы начинаете становиться никем, в вас появляются поры, просветы. Когда вы никто, вы становитесь действительно пусты, прозрачны, все что угодно может пройти сквозь вас. Ничто в вас не мешает, не препятствует этому, в вас нет вообще никакого сопротивления. Вы становитесь пассивностью, дверью.

Сейчас вы подобны стене; и стеною в вас является этот самый «кто-то». Становясь дверью, вы становитесь никем. Дверь — это именно пустота, любой может пройти насквозь, совершенно не испытывая сопротивления, никакого препятствия нет. Кто-то... — вы безумны; никто... — вы впервые становитесь психически здоровы.

Но все это общество, образование, цивилизация, культура, — все они растят в вас этого «кого-то» и помогают вам стать им. Вот поэтому я и говорю: религия против цивилизации, религия против образования, религия против культуры — потому что религия за естественное, за природное — за Дао.

Все цивилизации противоестественны природе, потому что они стремятся сделать из вас кого-то особенного. И чем больше вы кристаллизуетесь в кого-то, тем меньше и меньше божественного может проникнуть в вас.

Вы идете в храмы, в церкви, к священникам, но и там тоже вы ищите способа стать кем-нибудь в другом мире, способа достичь чего-то, способа преуспеть. Озабоченный достижениями ум преследует вас, как тень. Куда бы вы ни направились, вы отправляетесь с мыслями о выгоде, успехе, приобретении. Если кто-нибудь явился сюда с такой целью, то пусть он уезжает, и чем скорее, тем лучше, пусть бежит от меня со всех ног, потому что я не могу помочь вам стать кем-то.

Я вам не враг. Я могу только помочь вам стать никем. Я могу лишь толкнуть вас в пропасть... в бездну. Вы ничего не достигнете, вы просто растворитесь. Вы будете падать и

падать, и растворяться, и в тот момент, когда вы растворитесь, все ваше существо испытает экстаз. И все сущее будет славить происходящее.

Будда этого достиг. Из-за языка я говорю «достиг», тут не подобрать другого слова; вообще-то это слово безобразно, никакого достижения здесь нет — но вы поймете, о чем я говорю. Будда достиг этой пустоты, этого небытия. Две недели, в течение четырнадцати дней без перерыва, он сидел в безмолвии, неподвижно, молча, не делая ничего.

Говорят, что даже божества встревожились — очень редко случается, чтобы кто-нибудь стал такой абсолютной пустотой. Все его существо ликовало, и тогда божества явились. Они поклонились Будде; и они сказали: «Ты должен прервать молчание, рассказать, чего ты достиг». Говорят, Будда засмеялся и ответил: «Ничего я не достиг; наоборот, из-за этого ума, который вечно старается чего-нибудь достичь, я все и упустил. Я ничего не достиг, это не достижение; как раз наоборот — достигающий исчез. Меня больше нет, и, заметьте, как это прекрасно, — когда я был, я был несчастен, а когда меня не стало, все — обратилось в блаженство: блаженство изливается и изливается непрерывно на меня, вокруг меня, повсюду. И теперь исчезло страдание».

До этого Будда говорил: «Жизнь — это страдание, рождение — это страдание, смерть — страдание, все полно страдания». Так было, поскольку существовало эго. Лодка не была пустой. Теперь же лодка была пуста; теперь не было ни страдания, ни печали, ни грусти. Существование стало праздником и осталось праздником навечно, навсегда.

Вот почему я говорю, что это опасно — то, что вы пришли ко мне. Вы сделали рискованный шаг. Если вы смелы, то будьте готовы к прыжку в пропасть.

Все усилия направлены на то, чтобы вас убить, все усилия направлены на то, чтобы вас разрушить. Как только вы разрушитесь, проявится неразрушимое — оно и сейчас там, в вас, но оно скрыто. Как только то, что несущественно, будет изъято, существенное станет подобно пламени — вы оживете, достигая абсолютного торжества.

Эта притча Чжуан Цзы прекрасна. Он уподобляет мудреца пустой лодке.

Таков совершенный человек —
его лодка пуста.
Внутри никого нет.

Если вы повстречаете какого-нибудь Чжуан Цзы, или какого-нибудь Лао Цзы, или меня, то вы увидите, что лодка есть, но она пуста, в ней никого. Если вы просто взглянете на поверхность, то вам покажется, что кто-то есть, потому что есть лодка. Но если вы приглядитесь повнимательнее, если вы действительно приблизитесь ко мне, забудете о теле, о лодке, то вы приблизитесь к встрече с небытием.

Чжуан Цзы — редкое цветение, потому что стать никем — это самая сложная, почти невозможная, самая удивительная вещь в мире.

Обыкновенный ум страстно желает стать чем-то выдающимся, это желание — часть его обыкновенности; заурядный ум вожделеет быть кем-то особенным, это признак его обыкновенности. Вы можете стать Александром Македонским, но вы по-прежнему останетесь самым заурядным — кто ж тогда необыкновенен?

Необыкновенное начинается только тогда, когда вы больше не желаете необыкновенного. Тогда путешествие начинается; тогда новое семя пускает ростки.

Это и имеет в виду Чжуан Цзы, когда говорит: «Совершенный человек подобен пустой лодке». Слова эти многогранны. Во-первых, пустая лодка ни к чему не стремится, не имеет

цели, ибо некому направлять ее, некому управлять ею, некому вести ее куда-нибудь. Пустая лодка просто есть, она никуда не направляется. Даже если она движется, это не движение куда-то.

Когда отсутствует ум, жизнь остается движением, но оно не целенаправлено. Вы будете двигаться, вы будете меняться, вы будете подобным реке потоком, но никуда не устремленным, без видимой цели. Совершенный человек живет без всяких намерений; совершенный человек движется, но без какого-либо мотива. Если вы спрашиваете совершенного человека: «Что ты делаешь?» — он пожмет плечами: «Не знаю, просто то, что происходит». Если вы спросите меня почему я беседую с вами, я отвечу: «Спросите цветок, почему он цветет». Это происходит, это не управляемо. Некому влиять на это, эта лодка пуста. Если же присутствует намерение, вы всегда будете несчастны. Почему?

Как-то раз спросили скупца, великого скупца: «Как ты сумел накопить такое огромное состояние?»

«Благодаря моему девизу, — объяснил тот. — Все, что нужно делать завтра, сделай сегодня, а сегодняшнее удовольствие отложи на завтра. Таков мой девиз». Он преуспел в накоплении богатства — и люди точно таким же образом преуспевают в накоплении всякой чепухи!

Тот скупец тоже был несчастным. С одной стороны, он преуспел в накоплении богатства, но с другой стороны он преуспел в накоплении несчастья. А девиз один и тот же — как для накопления денег, так и для накопления несчастья: все, что нужно сделать завтра, делай сегодня, прямо сейчас, не откладывай этого. А всем тем, что может принести наслаждение прямо сейчас, никогда не наслаждайся сейчас, отложи до завтра.

Это отличный способ угодить в ад. Этот способ всегда приводит к успеху, он беспроегрешен. Попробуйте, и вы добьетесь успеха — или, может, вы уже добились его. Вы, возможно, уже применяете его, сами того не сознавая. Отложите все, чем могли бы наслаждаться, оставьте до завтра.

По этой причине был распят Иисус, по этой и ни по какой другой. Не то, чтобы евреи были против Иисуса — Иисус был совершенным человеком, прекрасным человеком, с чего бы это евреям распинать его? Более того, напротив, они ждали этого человека. Веками они надеялись и ждали: когда же придет Мессия?

И после всего этого этот Иисус провозглашает: «Я тот мессия, которого вы ждете, Я пришел. Взгляните на Меня».

Они забеспокоились — потому что ум может ждать, он всегда наслаждается ожиданием, но ум не в силах предстать лицом к лицу с фактом, ум не может столкнуться с настоящим. Это можно было всегда отложить, это было так легко откладывать: «Мессия идет, скоро он подойдет ближе...» Веками евреи думали и откладывали, и вдруг этот человек разрушил все надежды, потому что он заявил: «Я здесь». Ум забеспокоился. Им пришлось убить этого человека, иначе они не смогли бы жить надеждой на завтра.

И не только Иисус, много других провозглашали с тех пор: «Я здесь, Я — Мессия!» И евреи всегда отвергали Его, потому что если бы они его признали, то как бы они тогда смогли надеяться и как откладывать? Они жили этой надеждой с таким пылом, с такой глубокой верой, в какие с трудом можно поверить. Были такие евреи, которые, ложась вечером спать, надеялись, что эта ночь будет последней, что утром прибудет Мессия...

Я слышал об одном рабби, который говорил жене: «Если Он появится ночью, не жди ни секунды, буди меня немедленно». Мессия все ближе и ближе, он может явиться в любой момент.

Мне говорили о другом рабби, сын которого собрался жениться, и он разослал друзьям приглашения на свадьбу, написав в них: «Мой сын будет жениться в Иерусалиме тогда-то и

тогда-то, но если Мессия к тому еще времени не придет, то свадьба состоится здесь, в этой деревне Корца». Кто знает, пока наступит день свадьбы, Мессия может уже и придти. Тогда мы будем не здесь, мы будем в Иерусалиме, празднуя. Так что если он до свадьбы еще подойдет, то только тогда она состоится здесь, в этой деревне; иначе же она будет в Иерусалиме.

Они ждали и ждали, мечтая и надеясь. Умы всех евреев были захвачены навязчивой идеей о грядущем Мессии. Но когда бы Мессия ни приходил, они немедленно отвергали его. Поймите это! Так функционирует ум: вы живете в ожидании блаженства, экстаза, но когда они приходят, вы отрицаете их, вы от них отворачиваетесь.

Ум может жить в будущем, но не может жить в настоящем. В настоящем вы можете лишь надеяться и желать. Так вы порождаете страдание. Если вы начинаете жить в этот самый момент, в «здесь и сейчас» (here-and-now), то страдание исчезает.

Но как это соотносится с эго? Эго — это накопленное из прошлого. Все то, что вы узнали, пережили, прочитали, все, что только ни случилось с вами в прошлом, все это целиком накоплено в нем. Все прошлое — это эго, это вы.

Прошлое может отражаться в будущее — будущее это ничто иное, как продолженное прошлое — но прошлое не в силах оказаться лицом к лицу с настоящим. Настоящее — совершенно иное, оно имеет качество пребывания «здесь и сейчас». Прошлое всегда мертво, настоящее — это жизнь, это сам источник всего живого. Прошлое не может предстать лицом к лицу с настоящим, поэтому оно устремляется в будущее, но и то, и другое — и прошлое, и будущее — мертвы, и то, и другое — не существуют. Настоящее — это жизнь; будущее не может столкнуться с настоящим, так же как и прошлое не может столкнуться с настоящим. И ваше эго, ваше «некто», — это ваше прошлое. Пока вы не станете пусты, вы не сможете быть «здесь», и пока вы не будете «здесь», вы не сможете быть живым.

Как можете вы познать блаженство жизни? Каждую секунду оно изливается на вас, и вы проходите мимо него.

Чжуан Цзы говорит:

Таков совершенный человек —
его лодка пуста.

Пуста от чего? Пуста от "я", пуста от эго, пуста от кого бы то ни было внутри.

Управляющий людьми живет в смятении;

управляемый людьми живет в печали.

Управляющий людьми живет в смятении. Почему? Желание управлять исходит от эго; желание владеть, быть наделенным властью, желание доминировать, влиять происходит из эго. Чем большим королевством можете вы владеть, тем большее эго вы сможете взрастить. С увеличением ваших владений ваш внутренний некто становится все больше и больше. Часто лодка становится так мала, потому что эго становится так велико...

Это то, что происходит с политиками, с людьми, захваченными богатством, престижем, властью. Их эго так разрослось, что их лодки не могут выдержать их. Они постоянно на грани того, чтобы утонуть, напряжены, боятся, напуганы до смерти. А чем больше вы боитесь, тем большим собственником вы становитесь, потому что вы думаете, что с помощью владений, с помощью собственности каким-то образом достигается безопасность. Чем больше вы боитесь, тем больше вам кажется, что, будь ваше королевство хоть чуть-чуть покрупнее, вы были бы в большей безопасности.

Управляющий людьми живет в смятении...

На самом деле, желание управлять исходит из вашего смятения; желание выбиться в вожди исходит от вашего смятения. Когда вы ведете других, вы забываете о собственном смятении — это своего рода побег, обман, трюк. Вы больны, но если болен кто-нибудь другой и вы заботитесь о нем, вы забываете о своей болезни.

Говорят, однажды Бернард Шоу позвонил своему врачу и заявил: «Мне очень плохо. Сердце, кажется, совсем сдает. Приходите скорее!»

Врач прибежал. Ему пришлось взбежать три лестничных пролета, и он тяжело дышал. Он вошел и, не говоря ни слова, упал в кресло и закрыл глаза. Бернард Шоу выскочил из постели и испуганно спросил: «Что с вами?»

«Ничего, ничего. — ответил врач. — Похоже, я умираю. Сердечный приступ».

Бернард Шоу кинулся помогать ему; он принес чашку чаю, несколько таблеток аспирина, он сделал все, что мог. Через полчаса его врач пришел в себя. И вдруг заявил: «Теперь мне пора идти, выдайте мне мой гонорар».

«Вот это да! — воскликнул Джордж Бернард Шоу. — Это вы должны бы заплатить мне! Я полчаса бегал вокруг вас, а вы даже не спросили ничего о моем самочувствии».

«Я вылечил вас, — возразил ему врач. — Это и есть лечение, и вам придется мне заплатить».

Когда вы озабочены болезнью кого-то другого, то забываете про ваше собственное заболевание, и поэтому столько вождей, столько гуру, такое множество мастеров. Это вас отвлекает. Если ваша жизнь заполнена заботой о других людях, если вы слуга народа, общественный работник, помогаете другим, то вы забываете про ваше собственное смятение, вашу внутреннюю неразбериху, — ведь вы так заняты!

Психиатры никогда не сходят с ума — не потому, что обладают иммунитетом к сумасшествию, но потому, что они настолько заняты сумасшествием других, излечивая, помогая, что они совершенно забывают, что тоже могут сойти с ума.

Я познакомился со многими общественными работниками, лидерами, политиками, гуру, — они остаются здоровы только благодаря тому, что они полны забот о других.

Но если вы ведете за собою других, возвышаетесь над другими, то, в результате собственного смятения, вы и в их жизнях породите смятение. Это, возможно, и вылечивает вас самих, это, вероятно, удобный выход для вас, но это — распространение вашей болезни. Так вы заражаете окружающих...

Управляющий людьми живет в смятении...

И он не только живет в смятении, он еще и продолжает свое смятение распространять в других. Из смятения рождается лишь смятение.

Поэтому, если вы в замешательстве, запомните: Бога ради, никому не помогайте, иначе ваша помощь обернется ядом. Если вы в замешательстве, не занимайтесь другими, потому что вы превратитесь в источник неприятностей, ваша болезнь станет заразной. Не давайте никому советов и, если у вас есть хоть капля разума, не принимайте советов от находящихся в замешательстве. Оставайтесь бдительны, настороже, потому что те, кто в замешательстве, всегда любят давать советы. И они дают их бесплатно, они раздают их весьма щедро!

Осторожнее! От смятения рождается лишь смятение.

... управляемый людьми живет в печали.

Если вы возвышаетесь над людьми, вы живете в смятении; если вы позволяете другим возвышаться над собой, вы будете жить в печали, ибо раб не может быть блажен.

Поэтому Дао не желало

ни влиять на других,

ни быть подвластным их влиянию.

Не стоит пытаться влиять на других, вам лучше быть повнимательнее в том, чтобы самому не оказаться под чужим влиянием. Эго способно делать и то, и другое, но не в состоянии оставаться посередине. Эго может пытаться влиять, тогда оно чувствует себя прекрасно, возвышаясь, но помните, что эго также чувствует себя очень неплохо, будучи под господством, и рабы тоже чувствуют себя хорошо, подчиняясь своему господину.

В мире встречается всего два типа ума: ум господствующих — мужской ум, и ум тех, кому нравится быть под господством — женский ум. Под женским я не имею ввиду женщин, или под мужским — мужчин. Есть женщины с мужскими умами, и есть мужчины, у которых умы женские. Они не всегда соответствуют.

Это — два типа ума: один, которому нравится господствовать, и другой, которому нравится быть под господством. В обоих случаях с эго все в порядке, потому что, господствуете ли вы, или над вами господствуют — важны вы. Если кто-то господствует над вами, тогда вы тоже важны, потому что его господство зависит от вас. Без вас — куда он денется? Без вас — что будет с его королевством, его господством, его владением? Без вас он будет никем.

В обеих крайностях с эго все в порядке, эго умирает только в середине. Не будьте подвластны господству и не пытайтесь господствовать.

Просто представьте себе, что с вами тогда будет. Вы не важны, совершенно не значимы, никаким образом: ни как хозяин, ни как раб. Хозяева не могут жить без рабов и рабы не могут жить без хозяев — они нужны друг другу, они дополняют друг друга. Так же, как мужчина и женщина, они взаимодополняют. Один необходим для полноты другого.

Не будьте ни тем, ни другим. Кто вы тогда? Внезапно вы исчезаете, потому что в таком случае вы не значимы вовсе, никто не зависит от вас, вы никому не нужны.

Существует огромная потребность — быть нужным. Помните, вы чувствуете себя в своей тарелке только тогда, когда вы кому-то нужны. Порою это приносит вам страдание, — но даже несмотря на это вы стараетесь быть нужным.

Ребенок-калека прикован к постели, и его мать постоянно беспокоится о том, что же ей делать: «Я должна заботиться о нем, обслуживать его, и вся моя жизнь проходит впустую». Но все равно, если этот ребенок умирает, мать будет чувствовать себя потерянной, несчастной, потому что хотя бы этот ребенок нуждался в ней настолько сильно, что она стала важна.

Если нет никого, кто бы нуждался в вас, то кто вы есть? Вы стремитесь создать потребность в вас. Даже рабы — нужны.

Поэтому Дао не желало
ни влиять на других,
ни быть подвластным их влиянию.
Путь избавления от смятения
и печали —
жить с Дао
в стране пустоты.

Эта точка посередине — страна пустоты, или дверь в страну пустоты — как будто вас нет, как если вы никому не нужны, и вам не нужен никто. Вы существуете так, как если бы вас не было. Если вы незначимы, эго не может упорствовать и сохраняться. Вот поэтому вы продолжаете так или иначе стремиться к значимости. Когда бы вы ни ощущали, что в вас нуждаются, вы чувствуете себя замечательно. Но это — ваше страдание и смятение, и это основа

вашего ада.

Как вы можете освободиться? Взгляните на две эти крайности. Будда назвал свою религию срединным путем, маджхим никайя (majjhim nikaaya). Он назвал ее срединным путем, потому что, как он заметил: «Ум живет крайностями. В тот момент, когда вы останавливаетесь посередине, ум исчезает. В середине ума нет».

Видели ли вы канатоходца? В следующий раз, когда вы пойдете в цирк, понаблюдайте за ним. Когда канатоходец наклоняется влево, ему тотчас же приходится сдвинуться вправо, балансируя; и когда он чувствует, что слишком сильно отклонился вправо, ему приходится наклониться влево.

Вам необходимо двигаться к противоположному, наклоняясь в другую сторону, чтобы удержать равновесие. Поэтому случается и хозяевам становиться рабами, а рабам — хозяевами; властители становятся подданными, а подданные — власть имущими. И так до бесконечности, это — постоянное балансирование.

Замечали вы когда-нибудь это в ваших отношениях? Если вы — муж, то вы и вправду муж все двадцать четыре часа? Значит, вы не наблюдательны. В течение двадцати четырех часов смена происходит, самое меньшее, двадцать четыре раза: иногда жена — это муж, а муж — жена, иногда муж снова муж и жена снова жена.

Так все и продолжает меняться от левого к правому, от правого к левому. Это прогулка по натянутому канату. Вам нужно удерживать равновесие, вы должны балансировать. Вы не можете доминировать в течение двадцати четырех часов, потому что в этом случае равновесие будет потеряно и отношения разрушатся, прекратятся.

Пока вы сами не канатоходец, вам трудно наблюдать то, как он пребывает в равновесии, не уклоняясь ни влево, ни вправо. В Тибете хождение по канату использовали для медитации, ибо в середине, в равновесии ум исчезает. Ум возрождается тогда, когда вы отклоняетесь вправо, тогда ум снова появляется и подсказывает: «Выровняйся, нагнись влево».

Когда возникает проблема, возникает ум. Когда проблем нет, как может возникнуть ум? Когда вы в самой середине, полностью сбалансированы, уравновешены, ума нет. Равновесие означает отсутствие ума.

Одна мать, я слышал, была очень обеспокоена своим сыном. Ему было десять лет, а он все еще не сказал ни единого слова. Все возможное было сделано, чтобы найти, в чем причина, но доктора признали свое поражение: «Все в порядке, мозг абсолютно нормален. Тело хорошо развито, никаких физических недостатков, ребенок здоров, и мы ничего не можем поделать. Можно было бы что-нибудь сделать, если бы хоть что-то было не в порядке».

Но он все-таки не говорил. А потом, вдруг, однажды поутру сын заявил: «Мам, гренки совсем подгорели, их есть невозможно».^[3]

Мать не верила своим ушам. Она была поражена. «Что?! — воскликнула она. — Ты заговорил? И говоришь так хорошо! Так почему ты всегда молчал? Мы убеждали тебя и старались изо всех сил, а ты не говорил ни слова».

«А все всегда было в порядке, — сказал ребенок. — Это первый раз они так подгорели».^[4]
Если все и так в порядке, то зачем вам говорить?

Люди приходят ко мне и замечают: «Ты продолжаешь говорить каждый день..» «Да, — отвечаю я, — потому что столько заблуждающихся продолжают приходить сюда и слушать каждый день. Столько всего неправильного, что мне просто приходится говорить. Если все в порядке, то и говорить незачем. Я говорю из-за вас, из-за того, что гренки подгорели».^[5]

Когда бы он ни оказался посередине, между любыми крайностями или полярностями, ум исчезает. Попробуйте сами. Хождение по канату — прекрасное упражнение и один из самых утонченных методов медитации. Ничего другого не надо. Вы можете понаблюдать себя на

канате и увидеть, как это происходит.

И помните, на канате мышление останавливается, потому что вы в такой опасности. Вы не можете думать. В тот момент, как вы задумаетесь, — вы упадете. Идущий по канату не может думать, ему нужно быть чутким каждое мгновение. Нужно постоянно сохранять равновесие. Он не может ощутить безопасность, он не в безопасности: он не может себя чувствовать защищенным, он не защищен. Опасность присутствует всегда — малейшая потеря равновесия, и он упадет... И смерть поджидает этого.

Если вы идете по канату, то вы обнаруживаете две вещи: мышление останавливается из-за наличия опасности и, когда вы действительно приходите в равновесие, ни влево, ни вправо, точно посередине, великая тишина нисходит на вас, такая, о которой вы раньше не подозревали. И так происходит во всем. Вся жизнь — это хождение по канату.

Поэтому Дао желало оставаться в середине — не быть ни под влиянием, ни влияющим, не быть ни мужем, ни женой, не быть ни хозяином, ни рабом.

Путь избавления от смятения
и печали —
жить с Дао
в стране пустоты.

В середине дверь открывается — страна пустоты. Когда вас нет, весь мир исчезает, потому что мир держится на вас. Весь тот мир, что вы создали вокруг себя, держится на вас. Если вас нет, то мир исчезает.

Не жизнь уходит в небытие, нет. Но этот мир исчезает, а жизнь появляется. Этот мир — порождение ума; жизнь, существование — это истина. Этот дом будет, но тогда он уже не будет вашим. Будет этот цветок, но цветок этот станет безымянным. Он не будет ни прекрасен, ни безобразен. Он будет, но никакого понятия, никакой концепции не возникнет в вашем уме. Все концептуальное раскладывание по полочкам пропадает. Жизнь, неприукрашенная, обнаженная, невинная, остается в своей чистоте, как отражение этого существования, отражение всего сущего. И все понятия, все образы, все мечты исчезают в стране пустоты.

Если человек переплывает реку,
и пустая лодка сталкивается с его лодкой,
то, даже если он дурного нрава,
он не станет сердиться.
Но, увидев в той лодке человека,
он крикнет ему, чтоб тот лучше правил.
И, если крик его не услышан, он крикнет
вновь, и еще раз, и начнет сыпать проклятиями —
а все оттого, что там, в лодке, кто-то есть.
А все-же, будь лодка пуста,
он бы не орал и даже не сердился бы.

Если люди продолжают сталкиваться и конфликтовать с вами и если люди продолжают сердиться на вас, запомните, это не ошибка. Ваша лодка не пуста. Они сердиты, потому что вы там есть. Если лодка пуста, то они будут выглядеть по-дурацки; если они будут злиться на

пустую лодку, они будут выглядеть идиотами.

Те, кто очень близки ко мне, иногда злятся на меня, и они выглядят совсем по-дурацки! Если лодка пуста, вы можете даже наслаждаться гневом других, потому что не на кого гневаться, они не посмотрели, на что гnevаются. Поэтому помните, если люди продолжают сталкиваться и конфликтовать с вами, значит, в вас слишком много от неприступной стены. Будьте дверью, станьте пусты, позвольте им пройти.

Даже тогда люди иногда будут сердиться — они сердиты даже на Будду. Потому что есть глупые люди, те, которые, если их лодка сталкивается с пустой лодкой, и не взглянут, чтобы выяснить, есть в ней кто-нибудь или нет. Они начинают кричать; они настолько на все обижены в глубине себя, что не способны разглядеть: никого перед ними нет.

Но даже в такие моменты пустая лодка может наслаждаться всем происходящим, потому что гнев их теперь не задевает, не ранит вас: вас там нет, так кого же он может ранить?

Этот символ пустой лодки поистине прекрасен. Люди сердятся, потому что вас слишком много, потому что вы слишком тяжелы — так основательны, что им не пройти. А жизнь переплетается, связывает вас со всеми. Если вас слишком много, то повсюду вы будете приносить столкновение, вызывать гнев, депрессию, агрессию, насилие — конфликт продолжается.

Когда вы замечаете, что кто-то сердится на вас или кто-то столкнулся с вами, вы всегда считаете, что виноват в этом он. Так невежество делает заключения, так оно интерпретирует. Невежество всегда заявляет: «Это он виноват». Мудрость всегда гласит: «Если кто-то и отвечает за все, так это я, и единственный способ не конфликтовать, не сталкиваться — это не быть».

«Я в ответе» не означает, что «я сделал что-то такое, из-за чего они рассердились». Дело не в этом. Вы можете ничего не делать, но даже самого факта вашего существования для людей уже достаточно, чтобы рассердиться. Проблема не в том, делаете вы что-то хорошее или плохое. Проблема в том, что вы есть.

В этом разница между Дао и другими религиями. Другие религии твердят: «Будь хорошим, веди себя так, чтобы никто на тебя не сердился». «Не будь», — гласит Дао.

Проблема не в том, ведете вы себя хорошо или дурно. Проблема не в этом. Даже хороший человек, даже очень святой человек порождает гнев, потому что он есть. Иногда хороший человек вызывает больше гнева, чем плохой человек, потому что хороший человек — значит очень тонкий эгоист. Плохой человек чувствует себя виновным — его лодка, может быть, наполнена, но он чувствует на себе вину, понимает, что он плохой. На самом деле он не так уж много места занимает в лодке, его чувство вины помогает ему сжаться. Хороший человек чувствует себя настолько хорошим, что он совершенно заполняет лодку, переполняет ее.

Поэтому когда вы оказываетесь рядом с «хорошим человеком», это подобно пытке — не он мучает вас, но одно только его присутствие. С так называемыми «хорошими людьми» вы всегда будете испытывать досаду и предпочтете сторониться их. С этими «хорошими людьми» действительно очень тяжело. Общение с ними вызывает у вас чувство неловкости, они угнетают вас, и вы постараетесь расстаться с ними как можно скорее.

Моралисты, пуритане, добродетельные — с ними со всеми очень тяжело, и они приносят тягость окружающим, и темнота сгущается вокруг них. Никому они не нравятся. Они не могут быть хорошими товарищами, они не могут быть хорошими друзьями. Дружба с «хорошим человеком» невозможна — почти невозможна, потому что он всегда смотрит на вас с осуждением. Как только вы становитесь к нему ближе, он — хороший, а вы — плохой. Он не делает чего-то такого особенного — но сам факт его существования создает нечто, что вызывает у вас гнев, раздражение.

Дао — совершенно иное дело. Дао обладает другим качеством, и для меня Дао — это

глубочайшая из религий, самая глубокая из когда-либо существовавших на этой земле. Ей нет сравнения. Были проблески, есть проблески в высказываниях Иисуса, у Будды, у Кришны — но лишь проблески.

Послание Лао Цзы или Чжуан Цзы — чистейшее, оно абсолютно чистое, ничто не осквернило его. И вот это послание: все оттого, что в лодке кто-то есть. Весь этот ад из-за того, что лодка не пуста.

А все-же, будь лодка пуста,
он бы не орал и даже не сердился бы.
Если ты можешь опустошить собственную лодку,
плывя через реку жизни,
никого не будет против тебя,
никто не станет причинять тебе вред.
Прямое дерево срубят первым,
вешние ручьи раньше всех пересохнут.
Если ты желаешь преумножить свою мудрость
и устыдить невежество,
приобрести репутацию и затмить других,
то свет будет сиять вокруг тебя,
будто ты поглотил луну и солнце —
и не миновать тебе беды.

В этом уникальность послания. Чжуан Цзы говорит, что ореол святости вокруг вас показывает, что вы все еще есть, лодка ваша полна. Сияние вашей «хорошести», конечно, породит беду для вас и беду для всех окружающих. Лао Цзы и Чжуан Цзы — мастер и ученик — никогда не изображались на рисунках с нимбами, аурами. В отличие от Иисуса, Заратустры, Кришны, Будды, Махавиры, их никогда не рисовали с нимбами. «Потому что, — говорят они, — если ты действительно хороший, не аура появляется вокруг твоей головы; наоборот, пропадает сама голова». Где же рисовать ауру? Головы-то нет.

Все ауры так или иначе относятся к эго. Не Кришна нарисовал свой портрет, этим занимаются его последователи. Они не могли представить его себе без нарисованного вокруг головы нимба — иначе он не будет выглядеть необыкновенным. А Чжуан Цзы говорит: «Быть обыкновенным — быть мудрецом. Никто не узнает тебя, никто не чувствует, что ты кто-то необыкновенный». «Тыходишь в толпу и смешиваешься с нею, — добавляет он, — но никто не замечает, что в толпу вошел будда». Ни у кого не появляется ощущения что кто-то чем-то отличается, ибо если кто-либо почувствует это, то не избежать гнева и беды. Когда бы кто-нибудь ни заметил, что вы — в чем-то особенны, он разозлится, его собственное эго будет задето. Он отреагирует, он нападет на вас".

Поэтому Чжуан Цзы советует: «Не нужно приобретать репутацию, солидная репутация — тоже своего рода богатство». А так называемые «религиозные люди» продолжают учить: «Будь положительным, приобретай репутацию, возвращай мораль, будь добродетелен».^[6]

А зачем? Зачем быть добродетельным? Зачем быть против грешников? Но ваш ум — это деятель, вы все еще по-прежнему амбициозны, честолюбивы. И если вы достигнете Рая и увидите там грешников, сидящих вокруг Бога, то вы будете очень сильно задеты — вся ваша жизнь была потрачена впустую. Вы обретали достоинство, вы приобретали репутацию, пока эти люди приятно проводили время, наслаждались и делали все то, что осуждается, а здесь они

сидят подле Бога. Если вы увидите святых и грешников в Раю вместе, это вас здорово заденет, вы очень опечалитесь и расстроитесь — потому что ваше достоинство тоже часть вашего эго. Вы обретаєте святость, чтобы возвыситься над другими, но ум остается прежним. Как бы возвыситься или, другими словами, как бы унижить других, — вот, что вами движет.

Если вы сумели скопить большое состояние, то они — бедняки, а вы — богач. Если вы способны стать Александром Македонским, то вы — император, а они — нищие. Если вы в состоянии стать великим ученым, то вы полны знаний, а они — безграмотные, невежи. Если вы сможете стать добродетельным, религиозным, уважаемым, моральным, то вы порицаете их, они — грешники. А раздвоение, раскол все продолжается. Вы боретесь с другими, вы пытаетесь превзойти их.

Чжуан Цзы говорит: «Если ты приобретаешь репутацию и затмеваешь других, ты не избежишь беды. Не пытайся затмевать других и ни к чему приобретать репутацию с такой эгоистичной целью».

Таким образом, для Чжуан Цзы существует лишь одна репутация,^[7] стоящая упоминания, и это — отсутствие эго. Все остальное второстепенно, следствия. Без нее все остальное ничего не стоит. Вы можете достигнуть репутации богоподобного человека, но, если эго присутствует в вас, вся ваша богоподобность — в услужении дьяволу; вся ваша добродетель — только лишь личина и за ней спрятан грешник. А грешника не изменить через добродетель или каким-либо другим способом развития, воспитания. Только когда перестаете быть вы, он тоже исчезает.

Мудрец заметил:

"Довольный собой
трудился зря.
Достижение — начало неудачи,
слава — начало позора".

Эти высказывания довольно необычны, и вам придется напрячь все свое чутье, чтобы воспринять их; иначе вы рискуете понять их неверно.

Мудрец заметил:

"Довольный собой
трудился зря".

Религиозные люди продолжают поучать: «Будь доволен собой». Но тот, кем надо быть довольным, остается. «Не будь, — замечает Чжуан Цзы, — тогда и вопрос о довольстве или недовольстве отпадет сам собой». Это истинное удовольствие — когда вас нет. Но если вы чувствуете себя удовлетворенным, то это ложь — ибо вы есть, и все это — лишь насыщение эго. Вы считаете, что достигли чего-то, вы полагаете, что добрались до цели.

Дао гласит, что почитающий себя достигшим чего-либо, уже утратил. Полагающий, что добрался до цели, — потерял ее, ибо успех — это начало неудачи. Успех и неудача — это две части, две точки одного круга, одного колеса. Когда бы успех ни достигал своей кульминации, неудача уже тут как тут. Когда наступает полнолуние, луна перестает расти. Теперь изменение прекращается. И тогда на следующий день начинается попятное, обратное движение, изменение, и дальше с каждым днем луна будет все меньше, и меньше, и меньше.^[8]

Жизнь периодична, циклична. В момент, когда вы полагаете, что достигли чего-то, колесо

поворачивается, и вы уже теряете. Вам может потребоваться некоторое время, чтобы понять это, потому что ум туп. Нужна немалая смьшленость, понятливость, нужна ясность ума, рассудок, чтобы замечать вещи, которые происходят. С вами что-то случается, но вам требуется много дней на то, чтобы осознать это, иногда много месяцев или лет. Иногда у вас уходят даже многие жизни на то, чтобы распознать, что же произошло.

Вы припомните свое прошлое. Когда вы считали, что добились успеха, все вдруг мгновенно менялось, начиналось ваше падение — ибо эго — это тоже часть колеса. Оно добивается успеха, поскольку может потерпеть поражение: если бы оно не могло потерпеть поражения, то и успех был бы невозможен. Успех и поражение — это две стороны одной и той же монеты.

Чжуан Цзы говорит:

Мудрец заметил:

"Довольный собой
трудился зря".

...Потому что он все еще есть, пустой лодки не существует, лодка все еще полна. Эго сидит там, эго все еще у руля.

"Достижение — начало неудачи,
слава — начало позора".

Терять нечего. Поэтому Будды нищие — безымянны, бездомны, им нечего защищать, нечего охранять. Они свободны двигаться куда угодно, подобно облакам в небе, без дома, не привязаны ни к чему, плывут, без цели, без дела, без эго.

Тот будет плыть, как Дао, невидим,
ходить свободно повсюду, словно сама жизнь,
без имени и без дома.

Именно это для меня и означает слово «саньясин». Когда я иницирую вас в саньясу, я иницирую вас в эту безымянную, бездомную смерть. Я не даю вам никакого тайного ключа к успеху, я не даю вам никакой таинственной формулы для преуспевания.

Если я и даю что-нибудь, так это ключ к тому, как не добиться успеха, как быть неудачником и не беспокоиться об этом, как двигаться без имени, без дома, безо всякой цели, как быть нищим — тем, кого Иисус называл «бедные духом». Человек, бедный духом, лишен эго, он — пустая лодка.

Тот прост, неприметен.

Кого зовете вы простым? Можете ли вы развить, воспитать простоту?

Вы видите человека, который ест только раз в день, носит тряпки или совсем обнажен, вы видите человека, живущего не во дворце, живущего под деревом — и вы говорите, что этот человек прост. Это ли простота? Вы можете жить под деревом, но ваш образ жизни будет результатом именно воспитания. Вы воспитали это — быть простым, вы рассчитали это — как быть простым. Вы можете есть раз в день, но это по расчету, вы делаете это во влению ума. Вы можете оставаться голым, но это не сделает вас проще. Простота может лишь только просто случиться.

Тот прост, неприметен.

Но вы же считаете себя святым, потому что живете под деревом, и едите раз в день, и вы вегетарианец, и вы ходите голым, у вас нет денег — вы святой.

И тогда, если мимо проходит кто-нибудь, у кого деньги есть, осуждение рождается в вас, и вы думаете: «Что будет с этим грешником? Он попадет в Ад». И вы к этому грешнику испытываете сострадание. В этом случае вы не просты. Потому что здесь играют роль различия, вы — другой.

Не имеет значения, откуда взялось это отличие. Король живет во дворце — он отличается от тех, кто живет в хижинах. Король носит такую одежду, которую вы носить не можете — она стоит столько, что он отличен. Человек живет голый на улице, а вы не можете жить на улице голым — значит, он иной. Где бы ни появлялось отличие, тут же существует и эго. Когда различий нет, эго исчезает; а не-эго — это простота.

Тот прост, неприметен.

С какой стороны ни глянь — дурак.

Это самое труднодостижимое высказывание из произнесенных Чжуан Цзы. Это трудно понять, потому что мы всегда полагаем, что просветленный, совершенный человек, — это мудрец. А он заявляет: «С какой стороны ни глянь — дурак».

Но все правильно, все так и есть. Среди такого количества дураков, как мудрый человек может быть иным? С какой стороны ни глянь, он будет выглядеть дураком, и никак иначе. Как может он изменить этот дурацкий мир и вернуть такое количество идиотов к здравомыслию? Ему придется раздеться и отправиться под стол кукарекать петухом. Только тогда он может изменить вас. Он должен стать сумасшедшим, как вы, он должен быть дураком, он должен позволить вам смеяться над собой. Тогда вы не ощутите ревности, тогда он не будет задевать вас, тогда вы не станете на него злиться, вы сможете выдержать его, тогда вы сможете забыть его, и простить его, и тогда вы, возможно, оставите его в покое, наедине с самим собой.

Множество великих мистиков вели себя, как дураки, и их современники были в полной растерянности: как разобраться в их жизни — а величайшая мудрость присутствовала в ней. Быть мудрым среди вас — это действительно глупо. Из этой затеи ничего не выйдет; вы только породите кучу неприятностей. Сократа отравили, потому что он не знал Чжуан Цзы. Знай он Чжуан Цзы, не было бы нужды его травить. Он пытался вести себя, как мудрец; среди дураков он пытался быть мудрым.

«С какой стороны ни глянь, — замечает Чжуан Цзы, — истинно мудрый человек будет выглядеть дураком».

Чжуан Цзы сам прожил жизнь, как дурак, смеясь, распевая и танцуя, общаясь с другими через шутки и анекдоты. Никто и не подозревал, что он серьезен. А вы не найдете более искреннего и серьезного человека, чем Чжуан Цзы. Но никто не считал его серьезным. Люди радовались ему, люди любили его, и через эту любовь он распространял семена своей мудрости. Он изменил многих, он многих трансформировал.

Но чтобы подействовать на безумца, вам необходимо выучить его язык, вы должны общаться с ним на его языке. Вам необходимо стать таким, как он, вам необходимо спуститься. Если вы продолжаете возвышаться на своем пьедестале, то общения не получится.

Как раз это и случилось с Сократом, в Греции это и не могло не случиться, потому что греческий ум — это самый рациональный ум в мире, а рациональный ум всегда пытается не оказаться дурацким. Сократ разозлил всех и каждого. В действительности людям просто пришлось убить его, а иначе он продолжал бы задавать неудобные вопросы и заставлял бы всех чувствовать себя идиотами. Он всех загнал в угол — потому что даже на обыкновенные вопросы невозможно ответить, если кто-то задает их с пристрастием.

Если вы верите в Бога, Сократ спросит вас что-нибудь о Боге и потребует от вас доказательств; а как вы можете ответить, ведь вы Его не видели. Ну какие тут могут быть доказательства? Бог очень далеко. Вы ж не можете доказать даже обыкновенных вещей. Вы оставили дома жену — как вы можете доказать, в самом деле, что вы оставили жену дома, или что у вас вообще есть жена? Это, возможно, все существует только лишь в вашей памяти, в вашем воображении. Вам, может быть, все только приснилось, и когда вы вернетесь, не окажется ни дома, ни жены.

Сократ задавал вопросы, вникая в ответы, анализируя все, и разозлил в Афинах всех до единого. Этот человек пытался доказать, что все они дураки. Они убили его. Повстречайся он с Чжуан Цзы — а в это время Чжуан Цзы жил в Китае, они были современниками — Чжуан Цзы открыл бы ему тогда секрет: не пытайся доказать безумцу, что он безумен, потому что ни одному безумцу это не понравится. Он рассердится, станет высокомерен, агрессивен. Он убьет тебя, если ты докажешь слишком много. Если ты доберешься до сути, где можно доказать его безумство, он посчитается с тобой.

«Лучше быть дураком самому, — сказал бы Чжуан Цзы, — тогда люди радуются тебе, и тогда с помощью очень утонченных методов ты сможешь помочь им измениться. В этом случае они не будут против тебя».

Вот почему на Востоке, особенно в Индии, в Китае, в Японии, никогда не происходило такого отвратительного явления, какое произошло в Греции, когда Сократа отравили и убили. То же самое случилось и в Иерусалиме — Иисуса убили, распяли. Такое происходило в Иране, в Египте, в других странах — много мудрых людей были уничтожены, убиты. Такого никогда не случалось в Индии, в Китае, в Японии, потому что в этих трех странах люди поняли, что вести себя, как мудрец, — это кликать беду.

Веди себя, как дурак, как сумасшедший, просто будь безумен. Это первый шаг мудреца — успокоить вас, чтобы вы не боялись его.

Вот почему я рассказал вам ту историю. Принц подружился с тем Суфием. Он боялся других докторов, ученых специалистов, потому что они пытались изменить его, вылечить его, а он не был сумасшедшим. Он не считал себя безумцем, ни один сумасшедший никогда не думает, что он безумен. Как только сумасшедший понимает, что он безумен, сумасшествие исчезает. Он больше не безумец.

Поэтому все мудрецы, пытавшиеся излечить принца, были глупы, и только этот старик оказался мудр. Он вел себя по-дурацки. Двор смеялся, король смеялся, королева рассмеялась и сказала: «Что? Этот человек собирается вылечить принца? Да он сам сумасшедший и, кажется, он еще ненормальнее, чем принц».

Даже принц был поражен. «Ты что? — сказал он. — Что это ты делаешь?» Но человек этот, надо думать, был просветленным мудрецом.

Чжуан Цзы говорит об этом явлении, об этом поразительном человеке.

С какой стороны ни глянь — дурак.

За ним не остается следов. Он не обладает властью.

Вы не можете следовать за ним. Вы не можете следовать за просветленным человеком — нет, никогда — потому что он не оставляет следов, нет тропинок. Он подобен птице в небе: он движется, но следа не остается.

Почему мудрый человек не оставляет следов? Для того, чтобы вы не могли следовать за ним. Ни одному мудрому человеку не нравится, если за ним следуют, потому что, следуя за кем-то, вы становитесь имитатором. Он всегда движется таким зигзагом, чтобы вы не могли идти следом. Если вы попытаетесь следовать, вы его упустите. Можете ли вы следовать мне? Это невозможно, потому что вы не знаете, что я собираюсь делать завтра. Это непредсказуемо. Если

вы можете предсказать, вы сможете планировать. Тогда вы знаете, куда я иду, тогда вам известно направление, тогда вы можете предугадать мои шаги. Вы знаете мое прошлое, вы можете вычислить мое будущее. Но я нелогичен.

Если я логичен, вы можете сделать выводы о том, что я собираюсь сказать завтра. Просто изучив то, что я сказал в прошлом, в своих вчера, вы можете заключить логически, что я собираюсь сказать завтра. Но такое невозможно. Я могу абсолютно противоречить сам себе. Каждое мое завтра будет противоречить всем моим вчера, так как же вы собираетесь следовать мне? Вы сойдете с ума, если попытаетесь пойти за мной.

Рано или поздно, вам придется понять, что вам нужно быть самим собой, а не подражать кому-то.

За ним не остается следов.

Он не последователен. Он не логичен. Он иллогичен. Он подобен безумцу.

Он не обладает властью.

С такой точкой зрения нам трудно согласиться, потому что мы считаем, что мудрец наделен властью, что он самый сильный из людей. Он тронет ваши слепые глаза, и они откроются и вы прозреете; вы мертвы и он коснется вас, и вы воскреснете. Для нас мудрец — это тот, кто совершает чудеса.

Но Чжуан Цзы говорит: "Он не обладает властью, потому что пользоваться властью — это всегда проявление эго. Эго хочет быть сильным. Вы не можете убедить мудрого человека использовать его власть, это невозможно. Если вы сможете, то это будет означать, что какую-то часть эго ему еще предстоит урезонить. Истинный мудрец никогда не станет пользоваться своей силой, потому что в нем некому пользоваться и некому управлять ею. Эго, манипулянта, больше нет. Кто будет направлять лодку? Никого нет.

Мудрец — это власть, но он не обладает властью; мудрец силен, но он не обладает силой — потому что эго, контролирующего, больше нет. Он — энергия — переполняющая, непринадлежащая, ненаправленная — и некому направить ее. Вы можете излечиться в его присутствии, ваши глаза могут открыться, но не он открывает их, он не прикасался к ним, он не излечивал вас. Если он считает, что это он излечил вас, то он сам болен. Это чувство "Я" — «Я вылечил» — гораздо более тяжелое заболевание, более страшная слепота.

Он не обладает властью.

Он ничего не достигает, слава минует его.

Поскольку он не судит,

не судят и его.

Таков совершенный человек —

его лодка пуста.

Таковым должен быть ваш путь. Освободите свою лодку. Продолжайте выбрасывать, что вы найдете в лодке, пока все не будет выброшено и ничего не останется, даже вы выброшены прочь, ничего не осталось, и тогда вы сразу опустеете.

Первейшая задача и заключительная задача — это быть пустым: в тот момент, когда вы становитесь пустыми, вы наполняетесь. Все будет нисходить на вас, когда вы пусты, — только пустота может принять все, ни для чего другого это невозможно, ибо, чтобы принять все, нужно быть совершенно пустым, безгранично пустым. Лишь тогда все может быть принято. Ваши умы столь малы, что они не могут воспринять божественное. Ваши комнаты так малы, что вы не можете пригласить божественное. Разружьте полностью дом, потому что только небо, только

космос, только целый космос способен принимать.

Пустота должна стать вашей тропой, целью, всем. С завтрашнего утра начинайте опустошать себя ото всего, что найдете внутри: от вашего страдания, вашего гнева, вашего эго, ревностей, мучений, от вашей боли, от ваших удовольствий — все, что найдете, просто выбрасывайте прочь. Все, что подвернется, без разбора; опустошите себя. И в тот момент, когда вы полностью опустеете, вы вдруг поймете, что вы — целое, вы — все. Цельность достигается через опустошение.

Медитация — ничто иное, как опустошение, становление никем.

В этом лагере ведите себя так, словно вы никто. И если вы вызываете в ком-нибудь гнев, если вы сталкиваетесь, конфликтуете, — помните, что вы, должно быть, там, в лодке, поэтому все это и происходит. Как только ваша лодка опустеет, вы перестанете сталкиваться, не будет ни конфликта, ни гнева, ни насилия — ничего.

И это ничто — благословение, это ничто — блаженство. Это ничто вы искали и искали многие жизни.

Хватит на сегодня.

2. ЧЕЛОВЕК ДАО

Человек, познавший Дао, действует без помех,
действиями своими не вредя ни единому существу,
хоть и не мыслит себя добрым и мягким.

Он не старается делать деньги
и не возводит бедность в добродетель.

Он идет своей дорогой, не полагаясь на других,
и не гордится тем, что идет один.

Человек Дао остается неизвестным.

Совершенная добродетель ничего не создает.

«Не я» — это истинное "я".

А величайший человек — никто.

Самое трудное, почти невозможное для ума — это оставаться посередине, оставаться уравновешенным. А метаться из одной крайности в другую — это то, что легче всего. Такова природа ума — двигаться от одного полюса к противоположному полюсу. Постарайтесь очень глубоко это понять, прочувствовать, потому что, пока вы не поймете этого, ничто не сможет указать вам путь к медитации.

Такова природа ума — двигаться от одной крайности к другой. Он основан на отсутствии равновесия. Если вы уравновешены, ум исчезает. Ум напоминает болезнь: когда вы разбалансированы — он есть, когда вы в равновесии — его нет.

Вот почему для человека, который чревоугодничает, так легко перейти к голоданию. Это кажется нелогичным, поскольку что мы считаем, что человек, для которого еда стала навязчивой идеей, не в силах начать голодать. Но вы не правы. Только человек, страдающий манией еды, может голодать, потому что голодание — эта та же идея, та же мания, только в противоположном варианте. В действительности вы при этом не меняетесь. Еда для вас так и остается навязчивой идеей. До этого вы объедались; теперь вы голодаете — но ум продолжает фокусироваться на проблеме еды, только на ее противоположной крайности.

Человек, который чрезмерно занимался сексом, может очень легко перейти к воздержанию, к целибату. Это нетрудно. Но придти к правильной диете — это для ума сложно, самое трудное для ума — это оставаться посередине.

Почему же так сложно держаться середины? Это очень похоже на маятник. Он отклоняется вправо, потом движется влево, потом опять вправо, затем опять влево; весь механизм часов зависит от этого движения. Если маятник останавливается посередине, останавливаются часы. Но когда маятник качнется вправо, вы думаете, что он движется только вправо, а в это самое время он набирает импульс, разгон для движения влево. Чем больше он отклонится вправо, тем больше он наберет энергии, чтобы направиться влево, к противоположному. Когда он движется влево, он снова набирает инерцию, чтобы отклониться вправо.

Когда вы объедаетесь, вы набираете импульс, чтобы удариться в голодание. Когда вы слишком предаетесь сексу, рано или поздно, брахмачарья (brahmacharya), целибат, призовут вас.

И то же самое происходит с противоположным полюсом. Пойдите и спросите ваших так называемых садху (sadhus), ваших бхикку (bhikkus), саньясинов. Они поставили себе задачу — оставаться в целибате, теперь их умы накапливают импульс, чтобы ринуться в секс. Они сделали своей целью голодание и пост, а их умы постоянно думают о пище. Когда вы слишком много

думаете о еде, это указывает на то, что вы набираете импульс для нее. Мышление означает накопление инерции. Ум начинает подготавливать противоположное.

Во-первых: куда бы вы ни двигались, вы движетесь также и к противоположному. Противоположное скрыто, оно не очевидно.

Когда вы любите кого-нибудь, вы накапливаете инерцию для того, чтобы его ненавидеть. Вот поэтому только друзья могут стать врагами. Вы не можете вдруг стать врагами до тех пор, пока не побываете сперва друзьями. Те, кто любит друг друга, ссорятся, воюют. Лишь любящие могут ссориться и воевать, потому что, пока вы не полюбили, как можете вы ненавидеть? Пока вы не отклонились к самому краю влево, как можете вы двинуться вправо? Современные исследователи утверждают, что так называемая любовь — это отношения близкой, интимной вражды. Ваша жена — ваш близкий враг, ваш муж — ваш близкий враг, — оба близки и враждебны. Эти исследователи выглядят противоречивыми, нелогичными из-за того, что нам это кажется странным: как же близкий человек может быть врагом; как тот, кто является другом, может быть также и врагом?

Логика поверхностна, жизнь же проникает глубже, и в жизни все противоположности объединены вместе, они сосуществуют. Помните это, потому что тогда медитация становится уравновешивающей.

Будда учил восьми правилам, и в каждом правиле он использовал слово «правильный». Он говорил: «Предпринимайте правильные усилия, ибо очень просто переходить от действия к бездействию, от бодрствования ко сну, трудно же — оставаться посередине». Когда Будда использовал слово «правильный», он подразумевал: «Не устремляйтесь к противоположному, оставайтесь в самой середине». Питайтесь правильно — он никогда не призывал голодать. Не потворствуйте перееданию и не потворствуйте голоданию. Он советовал: «Стремитесь к правильному питанию. Правильное питание означает, что вы находитесь посередине».

Когда вы стоите посередине, вы не набираете никакой инерции. И в этом красота — человек, не накапливающий инерцию для движения куда-то, может быть свободен, покоен, может наслаждаться, может чувствовать себя дома. $\\$Английское выражение to be at home — быть дома аналогично русскому «чувствовать себя в своей тарелке», «чувствовать себя уютно, удобно». Прим. перев.>

Вы никогда не можете быть дома, поскольку, что бы вы ни делали, вам тотчас же приходится заниматься противоположным, чтобы уравновеситься. Но противоположное никогда не приводит в равновесие, оно просто порождает у вас иллюзию, будто вы уравновешены, но вам придется вновь двинуться к очередному противоположному.

Будда — ни для кого не друг и не враг. Он просто застыл посередине — часы стоят.

Про одного хасидийского мистика, Музхида, рассказывают, что, когда он достиг просветления, часы на стене внезапно остановились. Может так и было, может и нет, это вполне возможно, но символика ясна: когда останавливается ум, останавливается и время; когда застывает маятник, встают и часы. С тех пор часы никогда не шли, с тех пор они всегда показывают одно и то же время.

Время порождено движением ума, точно так же, как движением маятника. Ум движется, и вы ощущаете время. Когда ум неподвижен, как вы можете почувствовать время? Когда движения нет, время невозможно почувствовать. Ученые и мистики сходятся в одном: движение порождает феномен времени. Если вы не двигаетесь, если вы неподвижны, время пропадает, появляется вечность.

Ваши часы спешат, и их механизм — это движение из одной крайности в другую.

Вторая вещь, которую нужно понять касательно ума: ум всегда стремится к далекому, но никогда к тому, что рядом. То, что рядом, приносит скуку, оно вам уже здорово надоело;

отдаленное же рождает в вас мечты, надежды, дает вам возможность наслаждаться. Поэтому ум всегда находит что-нибудь отдаленное. Привлекательна, красива всегда чья-нибудь чужая жена; вас преследуют мысли всегда о чужом доме; чарует вас всегда машина кого-нибудь другого. Это все далеко. Вы слепы к тому, что рядом. Ум не может видеть то, что совсем рядом с ним. Он может видеть только то, что очень далеко. Он страдает дальнорядностью.

И что же самое далекое, самое отдаленное? Противоположное — оно дальше всего. Вы любите человека, и теперь ненависть — это самое далекое явление; вы соблюдаете целибат, теперь секс — это самый отдаленный феномен; вы — король, и теперь быть монахом — это дальше всего.

Самое отдаленное — это то, о чем больше всего мечтается. Оно привлекает, оно поглощает собою все ваше воображение, оно продолжает звать, приглашать вас, а затем, когда вы доберетесь до другого полюса, то место, откуда вы отправились в путешествие, станет вновь прекрасным. Разведитесь со своей женой, и после нескольких лет ваша жена вновь обретет красоту.

Ко мне пришла киноактриса. Она развелась со своим мужем пятнадцать лет назад. Теперь она в возрасте, менее красива, чем была, когда они разошлись друг с другом. В прошлом году женился их сын, и на этой свадьбе она снова встретила своего бывшего мужа, им пришлось попутешествовать вместе. Муж снова влюбился в нее, и она пришла ко мне посоветоваться и спросила: «Что же мне делать? Он снова сделал мне предложение, он опять хочет на мне жениться».

Она тоже была очарована. Она ждала от меня только лишь «да». «Но вы ведь жили вместе, — сказал я, — и всегда у вас были сплошные конфликты, и ничего больше. Я знаю всю эту историю — как вы ругались, ссорились, как вы создали ад и страдание друг для друга. А теперь опять?»

Для ума противоположное притягательно, и пока через осознание, через понимание вы не трансцендируете это, ум будет продолжать метаться от левого к правому, от правого к левому — и часы будут идти.

Это метание продолжалось в течении многих жизней, так вы и обманывали себя всегда — потому что вы не понимаете механизма происходящего. И вновь отдаленное становится привлекательным, и вы начинаете свое путешествие. В тот момент, когда вы добираетесь до намеченной цели, то, что было для вас знакомым, становится теперь отдаленным, теперь оно обладает притягательностью, теперь оно превращается в звезду, в нечто стоящее.

Я читал о пилоте, который летел с приятелем над Калифорнией. Он сказал своему другу: «Взгляни вниз на это прекрасное озеро. Я родился неподалеку от него, вон там — моя деревня».

Он указал на маленькую деревушку, которая, точно на насесте, расположилась на холмах неподалеку от озера, и заметил: «Я родился там. Ребенком я часто сидел у озера и ловил рыбу; рыбная ловля была моим хобби. Но в то время, когда я был ребенком, ловящим рыбу в озере, в небе всегда летали самолеты, пролетали над моей головой, и я мечтал о том дне, когда я смогу и сам стать пилотом и смогу управлять самолетом. Это было моей единственной мечтой. Теперь она исполнилась, и что за несчастье! Теперь я каждый раз смотрю вниз на это озеро и думаю о том времени, когда я уйду на пенсию и снова отправлюсь ловить рыбу. Мое озеро так прекрасно...»

Вот так и происходит. Это то, что происходит с вами. В детстве вы страстно желаете немедленно вырасти. Старые люди мудры, и ребенок чувствует: что бы он ни делал, он все всегда делает неправильно. А потом спросите старого человека — он всегда считает, что, когда было утрачено детство, было потеряно все; рай остался там, в детстве. И все старые люди умирают, думая о детстве, о невинности, о красоте, о стране мечтаний.

Что бы вы ни имели, все это выглядит ненужным, но все то, чего у вас нет, смотрится крайне полезным. Помните это, ибо иначе медитация у вас не может получиться, потому что медитация означает это понимание: ума, работы ума, самого процесса мышления.

Ум диалектичен, он заставляет вас снова и снова двигаться к противоположному. И это бесконечный процесс, он никогда не заканчивается, пока вы вдруг не выпадаете из него, пока вы вдруг не пробуждаетесь от этой игры, пока вы вдруг не осознаете этот трюк ума, и вы останавливаетесь, замираете посередине.

Остановка посередине и есть медитация.

В-третьих: из-за того, что ум состоит из полярностей, противоположностей, вы никогда не целны, не целостны. Ум не может быть целым; он всегда половинчат, неполон. Замечали ли вы, что, когда вы кого-нибудь любите, то подавляете свою ненависть? Любовь не тотальна, она не целостна; прямо за нею прячутся темные силы и они могут извергнуться в любой момент. Вы живете на вулкане.

Когда вы кого-нибудь любите, вы просто забываете, что в вас есть гнев, что в вас есть ненависть, что в вас есть ревность. Вы просто отбрасываете их, словно их никогда не существовало. Но как вы можете их отбросить? Вы можете их просто спрятать в подсознании. Прямо на поверхности вы можете стать любящим, а глубоко внизу спрятан весь этот невероятный гам. Рано или поздно вам это осточертеет, любимый станет просто обычным — обычным источником раздражения.

Говорят, что близкие отношения рождают презрение, но не они порождают презрение — близость лишь делает так, что вам становится скучно; презрение же существовало всегда, скрытое. Оно лишь вырывается наружу, оно ожидало подходящего момента; семена его были с самого начала.

Ум всегда содержит в себе противоположное, и это противоположное скрывается в подсознании и только ждет момента, чтобы выбраться наружу. Если вы будете поминутно за собой наблюдать, то вы будете замечать это постоянно. Когда вы говорите кому-нибудь: «Я тебя люблю», закройте глаза, погрузитесь ненадолго в медитацию и почувствуйте — а нет ли в вас какой-нибудь скрытой ненависти? Вы ощутите ее. Но поскольку вы хотите обмануть себя, поскольку правда так безобразна — правда о том, что вы ненавидите того, кого любите, — то вы не желаете взглянуть ей в лицо. Вы предпочитаете сбежать от реальности, поэтому вы прячете эту правду. Но прятание здесь не поможет. Ибо вы обманываете не кого-то другого, вы обманываете себя.

Поэтому, когда бы вы ни почувствовали что-нибудь, просто закройте глаза и углубитесь в себя, чтобы найти это противоположное. Оно там есть. И, если вы сумеете разглядеть его, это придаст вам равновесие; тогда вы уже не скажете: «Я люблю тебя». Если вы правдивы, то вы скажете: «Мое отношение к тебе — это смесь любви и ненависти».

Любое отношение — это отношение любовь/ненависть. Нет чистой любви, и нет чистой ненависти. Это и то, и другое — и любовь, и ненависть. Если вы правдивы, то вам будет трудно. Если вы скажете девушке: «Мое отношение к тебе — это отношение и того, и другого, любви и ненависти. Я люблю тебя так, как никогда никого не любил, и я ненавижу тебя так, как никогда никого не ненавидел», то вам будет нелегко жениться, пока вы не найдете медитативную девушку, которая сможет понять действительность; пока вы не найдете друга, который сможет понять сложность ума.

Ум — не простой механизм, он — сама сложность, и с помощью ума, идя по пути ума, вы никогда не сможете стать просты; потому что ум продолжает рождать иллюзии, обманывать вас. Быть медитативным значит осознавать тот факт, что ум что-то прячет от вас, что вы закрываете глаза на некоторые факты, которые ему мешают. Рано или поздно эти мешающие факты

выплывут наружу, извергнутся, переселят вас, и вы двинетесь к противоположному. А это противоположное не где-то там, в весьма отдаленном месте, не на какой-то звезде; это противоположное скрыто позади вас, в вас, в вашем уме, в самой работе ума, в механизме работы ума. Когда вы сможете это понять, то вы остановитесь в середине.

Если вы способны разглядеть: «Я люблю и я ненавижу», внезапно и то, и другое исчезает, ибо вместе в сознании оба они существовать не могут. Вам необходимо создать разделение, барьер: одно должно существовать в подсознании, а другое должно существовать в сознании. Оба не могут пребывать в сознании, они будут отрицать друг друга. Любовь уничтожит ненависть, ненависть уничтожит любовь; они уравновесят друг друга, — и просто исчезнут. Одинаковые количества ненависти и любви будут отрицать друг друга. Внезапно они испарятся — вы будете, но не будет ни любви, ни ненависти. Вот тогда вы уравновешены.

Когда вы уравновешены, ум отсутствует — теперь вы цельны. Когда вы цельны, вы святы, но ума нет. Таким образом, медитация — это состояние не-ума. Через ум она недостижима. Через ум, что бы вы ни делали, ее не достигнуть. Тогда чем же вы занимаетесь, когда медитируете?

Из-за того, что вы устроили себе такую напряженную жизнь, вы теперь занимаетесь медитацией. Но это — противоположность напряжению, а не настоящая медитация. Вы настолько напряжены, что медитация стала привлекательной. Именно поэтому медитация привлекает людей больше на Западе, чем на Востоке — потому что напряжения на Западе больше. Восток все еще расслаблен, люди не так перенапряжены, они не так легко сходят с ума, они не так легко совершают самоубийство. Они не так полны насилия, не так агрессивны, не так напуганы, у них нет такого количества страхов — нет, они не настолько напряжены. Они не живут в такой безумной скорости, где ничто не накапливается, кроме напряжения.

Поэтому когда Махеш Йоги приезжает в Индию, никто его не слушает. Но в Америке люди сходят по нему с ума. Когда напряжение настолько сильно, медитация начинает привлекать. Но с этой привлекательностью вы снова попадаете в ту же самую западню. Это не настоящая медитация, это снова уловка. Вы медитируете несколько дней, вы расслабляетесь; а когда вы стали расслаблены, необходимость в активности, в деятельности возникает снова, и ум начинает подумывать о занятии чем-нибудь, о движении, о напряженной деятельности. Медитация вам наскучила.

Люди приходят ко мне и жалуются: «Мы медитировали несколько дней, а потом это наскучило, потом уже не было так здорово».

Совсем недавно ко мне пришла одна девушка и сказала: «Медитация перестала доставлять мне наслаждение, что мне делать?»

Теперь ум ищет чего-то другого, теперь он уже получил достаточно от медитации. Теперь, когда эта девушка спокойна и расслаблена, ум требует большего напряжения — он стремится заполучить что-нибудь, что нарушило бы покой. Когда она говорит, что теперь в медитации нет прелести, она имеет в виду, что теперь, когда напряжение спало, то как медитация может доставлять удовольствие? Ей придется снова качнуться к напряжению, чтобы медитация вновь обрела привлекательность.

Взгляните на абсурдность ума: вам приходится уходить далеко, чтобы подойти поближе, вам приходится стать напряженным, чтобы быть медитативным. Но тогда это не медитация, тогда это снова уловка того же самого ума; та же самая игра продолжается на новом уровне.

Когда я говорю «медитация», я имею в виду выход за пределы этой игры полярных противоположностей; отбрасывание всей игры, видение, понимание абсурдности ее и ее трансценденция. Само осознание ее становится трансценденцией.

Ум будет заставлять вас двигаться к противоположному — не делайте этого. Остановитесь посередине и увидите, что все это всегда было уловкой ума. Именно так ум господствовал над

вами — через противоположное. Вы ощутили это?

После того, как вы позанимались любовью с женщиной, вы начинаете подумывать о брахмачарье, и брахмачарья в тот момент так соблазнительно очаровательна, что вы уверены: нет ничего другого, достойного внимания. Вы чувствуете себя расстроенным, обманутым, вы чувствуете, что нет ничего в этом сексе, что только брахмачарья несет блаженство. Но через двадцать четыре часа секс снова становится важным, значительным, и снова вам приходится заниматься им.

Что делает ум? После сексуального акта он начинает думать о противоположном, которое вновь рождает вкус к сексу.

Жестокий насилия начинает думать о ненасилии, тогда он легко может снова стать жестоким. Человек, часто впадающий в гнев, вечно думает о незлобivosti, о всепрощении, он всегда решает больше не сердиться. Это решение помогает ему вновь начать злиться.

Если вы действительно не хотите опять приходить в ярость, не решайте идти против гнева. Взгляните на сам этот гнев и посмотрите на саму тень этого гнева, которая, как вы думаете, — всепрощение. Взгляните на секс, и на тень секса, которая, по вашему мнению, — брахмачарья, целибат. Это как раз негатив, другая крайность, полное отсутствие секса. Посмотрите на переедание, и на тень его — голодание. Голодание всегда следует за перееданием; чрезмерному преданию греху всегда предшествуют обеты целибата; напряжение всегда наступает после каких-либо техник медитации. Посмотрите на них всех вместе, почувствуйте, как они соотносятся друг с другом; они — части одного процесса.

Если вы сможете это понять, то медитация получится у вас. На самом деле ничего не нужно делать, это проблема понимания. Это не усилие, не что-то, что необходимо создавать, развивать, возвращать. Это надо очень быть глубоко понять, осознать.

Понимание дает свободу. Осознание работы всего механизма ума — это трансформация. Тогда внезапно часы останавливаются, время исчезает: и с этой остановкой часов исчезает и ум. Если время остановилось — где вы? Лодка пуста.

Теперь обратимся к сутре Чжуан Цзы:

Человек, познавший Дао, действует без помех,
действиями своими не вредя ни единому существу,
хоть и не мыслит себя добрым и мягким.

Человек, познавший Дао, действует без помех... Вам всегда что-нибудь мешает, противоположное всегда присутствует в вас, создавая помехи; вы — не поток.

Если вы любите, то ненависть всегда присутствует, мешая. Если вы движетесь, то что-нибудь сдерживает вас; вы никогда не движетесь полностью, тотально, что-то всегда остается, движение не цельно, не абсолютно. Вы шагаете одной ногой, а другая твердо стоит на месте. Разве так возможно двигаться? Это сплошная помеха.

И эта помеха, это непрерывное движение одной части и недвижимость другой, — ваша мука, ваше озабоченность. Почему вы так сильно мучаетесь? Что рождает в вас такое беспокойство? Почему, что бы вы ни делали, блаженства не наступает? Блаженства может достигнуть только целое, часть — никогда.

Когда ничто не мешает движению целого, то само движение превращается в блаженство. Блаженство — это не что-то, приходящее откуда-нибудь извне, это чувство, которое возникает, когда все ваше существо приходит в движение, и само движение этого целого — блаженство. Это не нечто происходящее с вами, это то, что возникает в вас, это гармония вашего существа.

Если вы разделены — а вы всегда разделены: полу-движение, полу-неподвижность, половина говорит «да», половина твердит «нет», половина влюблена, половина ненавидит, вы — распавшееся королевство, этакая гражданская война — в вас постоянно присутствует конфликт.

Ученики Баал Шема записывали все, что бы он ни сказал, и Баал Шем частенько повторял: «Я знаю — все, что вы пишете, это не то, говорю я. Вы слышали одно, я же сказал абсолютно другое, а пишете вы, между тем, что-то третье. А если взглянуть на то, что имелось в виду, это опять-таки будет нечто иное. Вы никогда не будете делать того, что написали, делать вы будете совсем другое — у вас получатся фрагменты, обрывки, а не интегрированное существование.

Откуда взялись эти обрывки?

Слышали вы историю про многоножку? Многоножка гуляла на своей сотне ног — поэтому ее и называют многоножкой. Это чудо — гулять, имея сотню ног, даже с одной-то парой управляться так непросто! А справиться с сотней ног — это и вправду почти невозможно. Но многоножке это удавалось!

Лисе стало любопытно — а лисы всегда любопытны. Лиса в фольклоре являет собой символ ума, интеллекта, логики. Лисы — великие логики. Лиса посмотрела, она изучила, она проанализировала, она не могла этому поверить. «Постой! — попросила она. — Я тебя хочу спросить. Как ты управляешься со столькими ногами, и как ты решаешь, какую ногу за какой надо переставлять? Сотня ног! Ты ходишь так плавно. Как у тебя получается такая гармония?»

«Я ходила всю жизнь и никогда не задумывалась об этом, — ответила многоножка. — Дай, я подумаю».

И вот она закрыла глаза и впервые она стала разделена: ум — исследователь, сама же она — исследуемое. Впервые многоножка стала двумя. Она всегда жила и ходила, и жизнь ее была цельна; не было исследователя, стоящего, глядя на самое себя, она никогда не была разделенной, раздвоенной, она была собранным в одно целое, интегрированным существом. Теперь, первый раз в ее жизни, возникло разделение. Она смотрела на саму себя, раздумывая. Она стала субъектом и объектом, она стала двумя, и затем попыталась пойти. Это оказалось трудно, почти невозможно. Она упала наземь — потому что как вы управитесь с сотней ног?

Лиса рассмеялась и заявила: «Я знала, что это трудно, я знала это заранее».

Многоножка заплакала. Со слезами на глазах она воскликнула: «Это никогда раньше не было трудно, но ты придумала проблему. Теперь я никогда не смогу снова ходить».

Ум пришел в действие; он появляется тогда, когда вы разделены. Ум кормится разделением. Поэтому Кришнамурти не устает повторять, что, если наблюдатель стал наблюдаемым, вы — в медитации.

С многоножкой произошло противоположное. Целостность была потеряна, она стала двумя: наблюдатель и наблюдаемое, разделенные; субъект и объект, мыслящий и мысль. Тогда все разрушилось, тогда блаженство было утеряно и поток застыл. А потом он замерз.

Когда бы ни появлялся ум, он действует как контролирующая сила, управляющий. Он не хозяин, он — управляющий. И вы не сможете добраться до хозяина, пока не отодвинете управляющего в сторону. Управляющий не даст вам попасть к хозяину, управляющий всегда будет стоять, управляя, в дверном проеме. А все управляющие — это одно лишь расстройство управления — ум проделал такую гигантскую работу по расстройству всего того, чем он брался управлять!

Бедная многоножка! Она всегда была счастлива. У нее вообще не было проблем. Она жила, двигалась, любила все безо всяких проблем, потому что не было ума. Ум появился с проблемой, с вопросом, с исследованием. А вокруг вас полно лис. Будьте осторожны с ними — философы, теологи, логики, профессора, все они вокруг вас — лисы. Они задают вам вопросы и порождают хаос.

Мастер Чжуан Цзы, Лао Цзы, сказал: "Когда не было ни единого философа, все было решено, не было вопросов, и доступны были все ответы. Когда появились философы, возникли вопросы, а ответы пропали. Когда появляется вопрос, ответ скрывается очень-очень далеко. Что бы вы ни спрашивали, вы никогда не получите ответа, но потом, когда вы перестаете задавать вопросы, вы обнаруживаете, что ответ был здесь все время.

Я не знаю, что стало с этой многоножкой. Если она оказалась так же глупа, как и человеческие существа, то она должна быть где-нибудь в больнице, искалеченная, парализованная навечно. Но я не думаю, что многоножки настолько глупы. Она, скорее всего, выбросила этот вопрос из головы. Она, надо полагать, сказала лисе: «Прибереги свои вопросы для себя, а я буду просто ходить». Она, вероятнее всего, поняла, что разделенной ей жить не удастся, потому что разделение несет смерть. Неразделенные, вы — это жизнь; разделенные, вы становитесь мертвы — чем разделеннее, тем мертвее.

Что такое блаженство? Блаженство — это чувство, приходящее к вам, когда наблюдатель стал наблюдаемым, блаженство — это чувство, приходящее к вам, когда вы в гармонии, а не разбиты на фрагменты, на составляющие; едины, не разбросаны, не разделены. Чувство, которое не есть нечто, приходящее извне. Оно — мелодия, рождающаяся из вашей внутренней гармонизации.

Чжуан Цзы говорит:

Человек, познавший Дао, действует без помех...

Он не разделен — так что же может ему мешать? Что в нем может действовать, как помеха? Он одинок, он движется в своей цельности. Это движение в цельности — величайшая красота, какая только может быть, величайшая из возможных. Иногда у вас случаются проблески ее. Иногда, когда вам случается оказаться совершенно целостным, когда ум ваш выключается, бывают эти проблески.

Всходит солнце... внезапно: вы смотрите, а наблюдателя нет. Солнца нет и вас нет, нет наблюдателя и нет наблюдаемого. Просто всходит солнце, но вашего ума, занимающегося управлением, нет. Но вы не замечаете этого и произносите: «Солнце так прекрасно!» В тот момент, когда вы говорите это, блаженство утеряно. Теперь блаженства нет, оно уже стало прошлым, оно уже ушло.

Внезапно вы видите солнечный восход, но видящего нет; видящий еще не существует, все это еще не оформилось, не облеклось в мысль. Вы не рассмотрели, вы не проанализировали, вы не пронаблюдали. Всходит солнце и никого нет, лодка пуста; есть блаженство, проблеск. Но немедленно включается ум и заявляет: «Солнце прекрасно, этот восход так прекрасен». Появилось сравнение, и красота утеряна.

Те, кто знает, говорят, что когда вы заявляете кому-нибудь: «Я тебя люблю», любовь потеряна. Любовь уже исчезла, поскольку появился любящий. Как может существовать любовь, когда родилось разделение, присутствует управляющий? Это именно ум говорит: «Я люблю тебя», потому что, на самом деле, в любви нет "Я" и нет «Ты». В любви нет индивидуальностей. Любовь — это таяние, слияние, они — не двое.

Существует любовь, а не любящие. В любви существует любовь, а не любящие, но ум появляется и провозглашает: «Я влюблен, я люблю тебя». Когда появляется "я", вступает в действие сомнение; рождается разделение — и любви больше нет.

Вы много раз будете достигать таких проблесков, таких моментов просветления в вашей медитации. Помните, когда бы вы ни ощутили такое просветление, не говорите: «Как красиво!», не говорите: «Как мило!», потому что так вы его потеряете. Когда бы ни появился проблеск, просто позвольте ему быть. Не делайте то, что сделала многоножка — не воздвигайте никакого вопроса, никакой проблемы, не занимайтесь никакими исследованиями, не анализируйте, не

позволяйте уму врываться. Ходите с сотней ног, но не думайте о том, как вы ходите.

Когда в медитации у вас случается мгновение просветления, проблеск какого-то экстаза, предоставьте ему происходить, позвольте ему проникнуть в глубину вас и углубиться в него сами. Не разделяйте себя. Не делайте никаких утверждений, в противном случае вы сразу же потеряете контакт, связь с ним.

Иногда у вас бывают такие просветления, но вы так здорово наловчились терять контакт с этими проблесками, что вам уже не понять, каким образом они появляются и как вы их снова теряете. Они бывают, когда вас нет, теряете вы их, когда вы снова являетесь. Когда есть вы, их нет. Когда лодка пуста, всегда получается блаженство. Оно не случайно, оно — сама природа существования. Оно ни от чего не зависит, оно — ливень, поток, оно — само дыхание жизни.

Это и вправду чудо, что вам удастся быть настолько несчастным; так страдать от жажды, когда повсюду льет дождь. Вы в самом деле достигли невозможного! Повсюду свет, а вы живете во тьме; смерти нигде нет, а вы постоянно умираете; жизнь — это благословение, а вы живете в аду.

Как же вам это удастся? Через разделение, через мышление... Мышление зависит от разделения, от анализа; медитация происходит тогда, когда нет анализа, нет разделения, когда все синтезировалось, соединилось, когда все стало одним.

Чжуан Цзы говорит:

Человек, познавший Дао, действует без помех,
действиями своими не вредя ни единому существу.

Как он может причинить вред? Вы способны причинять вред другим только тогда, когда уже навредили себе. Помните это; в этом весь секрет. Если вы вредите себе, вы будете вредить и другим. И вы будете вредить даже тогда, когда думаете, что делаете другим добро. Ничто другое не может исходить от вас, через вас, только вред; потому что тот, кто живет израненный, тот, кто живет в муке и страдании, что бы он ни делал, будет порождать лишь еще больше страдания и боли для других. Вы можете дать только то, что есть у вас самих.^[9]

Рассказывают, что однажды в синагогу пришел нищий. «Я — великий музыкант, — сказал он рабби. — Я слышал, что ваш музыкант, который был при синагоге, скончался, и вы ищете другого. Я согласен занять его место».

Рабби и паства обрадовались, потому что они и правда скучали по музыке. А потом этот человек заиграл — это было жутко! Без его музыки было намного музыкальнее. Его музыка создавала ад. Было невозможно ощутить хоть какое-то блаженство в синагоге в то утро. Его пришлось прервать, потому что большая часть паствы стала разбегаться. Народ бежал оттуда со всех ног: его музыка была прямо анархична, она была похожа на безумие, и оно начало поражать людей.

Когда рабби увидел, что все покидают синагогу, он подошел к тому человеку и остановил его. «Если ты не хочешь брать меня в музыканты, то ты можешь заплатить мне за это утро, и я уйду», — заявил тот.

«Это невозможно — заплатить тебе, — воскликнул рабби, — мы никогда не переживали такого кошмара».

Тогда музыкант гордо сказал: «Ладно, тогда можешь считать эту музыку себе пожертвованием от меня».

«Но как можешь ты пожертвовать то, чем не владеешь? — возразил рабби. — У тебя нет никакой музыки вообще — как ты можешь ее пожертвовать? Ты можешь поделиться чем-то только тем, чем владеешь. Это не музыка; более того, наоборот, это нечто вроде антимузыки. Так что, пожалуйста, заberi это с собой, не делай нам такого пожертвования, а то оно будет и дальше преследовать нас».

Вы даете только то, что имеете. Вы всегда даете от себя самого, от того, что у вас внутри. Если внутри вы уже мертвы, то вы не можете помочь жизни; куда бы вы ни пошли, вы будете убивать. Зная это, не зная этого, — не в этом дело — вы можете думать, что вы помогаете другим выжить, но все равно — вы будете убивать.

Великого психоаналитика, Вильгельма Рейха, изучавшего детей и их проблемы, однажды спросили: «Что больше всего мешает и вредит детям? Что, по-вашему, является корнем всех их несчастий, проблем, отклонений от нормы?»

«Матери», — сказал он.

Ни одна мать не может с этим согласиться, потому что каждая мать чувствует, что уж она-то помогает своим детям без всякого эгоизма с ее стороны. Она живет и умирает за ребенка. А психоаналитики утверждают, что матери — это проблема. Они бессознательно убивают, калечат; сознательно же они считают, что они любят.

Если вы внутренне искалечены, то вы будете калечить своих детей. Вы не можете делать ничего другого, и этому никак не помочь, потому что вы черпаете от своего существа — нет никакого иного способа давать.

Чжуан Цзы заявляет: «Человек, познавший Дао, ... действиями своими не вредит ни единому существу». Не то, чтобы он воспитывал в себе ненасилие, не то, чтобы он был воплощением сострадания, не то, чтобы он жил праведной жизнью, не то, чтобы он поступал как святой — нет. Просто он не может никому причинить вреда, поскольку перестал причинять вред себе. У него нет ран. Он настолько блажен, что из его действий или недействий проистекает только блаженство. Даже если иногда, возможно, покажется, что он делает что-то не так, неверно поступать он не может.

С вами ситуация прямо противоположна. Иногда кажется, что вы делаете что-то хорошее. Но вы этого не можете, это исключено. Человек Дао не может причинить вреда, это так же невозможно. Для него не существует никакого способа сделать это, это невероятно — ибо он неразделен, нефрагментарен. Он — не толпа, он не шизофреник. Он — вселенная сейчас; он ничто иное, как мелодия, зародившаяся в ней. Только эта музыка и продолжает распространяться и звучать.

Человек, познавший Дао, — отнюдь не тот, кто очень активен; он не человек действия, лишь самый минимум необходимых действий исходят от него. Он, на самом деле, человек недействия, он совершенно не захвачен деятельностью.

А вот вы охвачены жаждой деятельности, и именно из стремления сбежать от самого себя. Вы не можете выдержать себя, вы не можете выдержать общение с самим собой... Вы хватаетесь за поиски кого-нибудь, как за выход, как за какое-то занятие, с помощью которого вы можете забыть себя, которым вы можете увлечься. Вам так с собою наскучило.

Человек Дао, человек, который добрался до своей внутренней природы, человек, который истинно религиозен, — это не активный человек. С ним происходит только самое необходимое. То, без чего можно обойтись, отброшено полностью, поэтому он может пребывать в покое бездеятельным, он может быть дома, не делая ничего, он может расслабиться, может составить компанию самому себе, он может быть с самим собой и самим собой.

Вы не можете пребывать сами с собой, и отсюда ваша постоянная потребность в общении. Вы идете в клуб, отправляетесь на встречу, на вечеринку, стремитесь в толпу, где вы будете не одни. Вы так боитесь себя, что, если вас оставить одного, вы сойдете с ума. В течении всего лишь трех недель, если вы оставлены абсолютно один, лишены всякого общения, вы сойдете с ума. И это не какое-то там высказывание религиозных людей, теперь с этим согласны психологи. Всего за три недели, если вся деятельность, если все внешнее общение у вас отобраны, если вы заперты один в комнате, за три недели вы сойдете с ума — потому что вся

ваша деятельность направлена лишь на избавление от вашего безумия, вся она — это катарсис.

Что вы будете делать, когда вы одни? Первые три или четыре дня вы будете мечтать и разговаривать про себя, заниматься внутренней болтовней. Затем вам станет скучно. После первой недели вы начнете говорить вслух, потому что тогда, по меньшей мере, вы сможете слышать звук своего собственного голоса. Когда вы идете ночью по темной улице, вы начинаете насвистывать. Почему? Как это насвистывание может придать вам смелости? Каким образом это насвистывание может вам помочь? Просто, слушая его, вы чувствуете, что вы не один, кто-то насвистывает. Так создана иллюзия присутствия кого-то еще!

После первой недели вы начнете говорить вслух, потому что тогда вы сможете также и слушать. Вы не один, вы говорите и вы слушаете, как если бы кто-то другой разговаривал с вами. К третьей неделе вы начнете сами себе отвечать. Вы будете не только разговаривать, вы будете еще и отвечать — вы разделены. Теперь вас двое; тот, кто спрашивает, и тот, кто отвечает. Теперь наличествует диалог — вы полностью сошли с ума.

Один человек спросил психиатра: «Я очень обеспокоен тем, что часто разговариваю сам с собой. Что мне делать? Не могли бы вы мне помочь?»

«Тут нет причин для беспокойства, — утешил его психиатр. — Все разговаривают сами с собой, в этом нет ничего такого. Вот когда вы начнете сами себе отвечать, тогда приходите ко мне, тогда я смогу быть вам полезен».

Но разница лишь в процентном отношении; она не в качественная, а только количественная. Если вы начинаете говорить сами с собой, рано или поздно вы также начнете и отвечать, потому что разве возможно всегда ограничиваться только монологом? Нужен ответ, нужен собеседник, иначе вы чувствуете себя глупо. И на третьей неделе вы начинаете отвечать — вы сошли с ума.

Этот мир, мир действия, бизнеса и занятости, спасает вас от сумасшедшего дома. Если вы заняты, ваша деятельность, ваша энергия направлена вовне; тогда вам не нужно заботиться о том, что внутри, о внутреннем мире, вы можете о нем позабыть.

Человек, познавший Дао — не активен — остается лишь основная деятельность, самое существенное. О Чжуан Цзы рассказывают, что, если он мог стоять, он не шел, если он мог сидеть, он не стоял, если он мог прилечь, он не сидел. Существенное, самое основное, лишь то, что он обязательно должен был сделать, он делал, потому что в такой деятельности нет безумия.

Вы же делаете несущественное, вы всегда, вы постоянно занимаетесь несущественным. Оглянитесь на вашу деятельность: девяносто девять процентов ее несущественны. Вы можете отбросить их, вы можете сохранить уйму энергии, вы можете освободить массу времени. Но вы же не можете их отбросить, потому что вы боитесь, вы напуганы сами собой. Если нет радио, нет телевидения, нет газет, не с кем поговорить, то чем же вам заняться?

Как-то раз умер один священник. Конечно, он с самого начала был уверен, что попадет в Рай, на небеса. Он прибыл туда, и все было прекрасно. Дом, в который он попал, был просто великолепен, это был самый восхитительный дом из всех, о которых он только мог мечтать. В тот миг, как у него появлялось желание, немедленно возникал слуга. Если он был голоден, слуга держал в руках поднос с едой, самой изысканной из той, что он когда-либо пробовал. Если он испытывал жажду, то еще до того, как его желание формировалось в мысль, пока оно все еще было чувством, появлялся человек с напитками.

Так это и продолжалось, и он был очень счастлив два или три дня, а потом он начал ощущать беспокойство, потому что человеку необходимо что-нибудь делать, вы не можете просто сидеть в кресле. Только человек Дао может вот так сидеть в кресле и сидеть, сидеть, сидеть... Вы этого не можете.

Священник забеспокоился. Два-три дня выходных, небольшой отдых — это нормально. При

жизни он был так активен — множество публичных служб, миссии, церкви, проповеди; он был настолько вовлечен в дела общины и паствы, что теперь он с удовольствием отдыхал. Но сколько ж можно отдыхать? Отдыхать хорошо до тех пор, пока, рано или поздно, выходные не закончатся, и тогда вы возвращаетесь в мир, в свой привычный круг деятельности. Он стал беспокоен, начал чувствовать какое-то неудобство.

Вдруг появился слуга и спросил: «Чего ты хочешь? Это твое чувство — не потребность, ты не голоден, не испытываешь жажду, ты просто беспокоен. Так что же мне сделать?»

«Я не могу всегда сидеть здесь, не могу же я сидеть вечно, я хочу чем-нибудь заняться», — объяснил священник.

«Это невозможно... — возразил слуга. — Все твои желания здесь будут нами исполнены, что за нужда тебе что-то делать? Это ни к чему, и поэтому такое тут не предусмотрено».

Священник обеспокоился еще больше и воскликнул: «Да что же это за Рай такой?»

«Какой Рай? Какой еще Рай? С чего ты взял, что это Рай? — удивился слуга. — Это — Ад. Кто тебе сказал, что это Рай?»

И это действительно был ад. Теперь-то он понял: без деятельности — это был ад. Он должен был рано или поздно сойти с ума. Без общения и без разговоров, без необходимости проводить службы, без язычников, которых нужно обращать в христианство, без глупых людей, которых надо делать мудрыми, чем он мог заниматься?

Только человек Дао смог бы изменить тот ад и обратить его в небеса. Человек Дао, где бы он ни был, умиротворен, покоен. Он делает только самое необходимое, и, если вы сделаете это необходимое за него, то он станет еще счастливее. Все несущественное отброшено.

Вы не можете отбросить несущественное. В самом деле, девяносто девять процентов вашей энергии растрачивается на несущественное. Существенного недостаточно, и ум всегда страстно жаждет еще несущественного, потому что существенное такое небольшое, такое маленькое, его можно легко выполнить. А что вам делать потом?

Люди не особо озабочены тем, чтобы иметь хорошую пищу. Они более заинтересованы иметь дорогую машину, потому что хорошей пищи можно легко достигнуть. И что потом? Люди не хотят иметь хорошие здоровые тела. Это то, чего можно слишком легко достигнуть. Они хотят чего-то такого, чего достигнуть весьма непросто, чего-то невозможного, а несущественное — это всегда невозможное. Всегда есть дома, что побольше, машины, что подороже, и они продолжают становиться все больше и все дороже, так что вам никогда не придется отдыхать.

Целый мир пытается заниматься несущественным. Девяносто процентов индустрии занято несущественным. Пятьдесят процентов человеческого труда тратится на то, что вообще никому не нужно. Половина индустрии посвящена женскому уму, более того, женскому телу: моделирование новых платьев каждые три месяца, проектирование новых домов, одежды, пудры, мыла, кремов; пятьдесят процентов индустрии посвящено такому нонсенсу. Человечество голодает, люди умирают без пищи — и половина человечества занимается абсолютно несущественным.

Добраться до Луны — ну совершенно бессмысленно. Если бы мы были хоть немного мудрее, мы бы даже не думали об этом. Это абсолютно пустая трата таких огромных денег, на которые можно было бы накормить всю землю. Войны бесполезны, бессмысленны; но человечество безумно, и в войнах нуждается более, нежели в пище. Оно нуждается в том, чтобы отправиться на Луну, больше, чем в пище, больше, чем в одежде, больше, чем в существенном, потому что существенного недостаточно.

И сейчас наука породила величайший ужас; этот ужас заключается в том, что теперь существенное может быть выполнено очень легко. В течении десяти лет все потребности человечества могут быть удовлетворены, вся эта земля может быть удовлетворена в том, что

касается необходимого. И что же потом? Что же вы будете делать после этого? Вы будете в таком же положении, как и тот священник. Он был уверен, что попал на небеса, а затем обнаружилось, что это был ад. Всего за десять лет вся земля может стать адом.

Несущественное необходимо вашему безумию, чтобы не оставаться без дела. Тут никаких Лун не хватит, нам придется пойти подальше, нам придется продолжать создавать бесполезное. Это нужно. Людям это необходимо, чтобы чем-то занять себя.

Человек Дао — это не активный человек. Его действия — это лишь самое существенное: те, которых не избежать. Тех, которых можно избежать, он избегает. Он настолько счастлив сам по себе, что ему нет нужды выражаться в действиях. Его деятельность скорее похожа на недеятельность: он делает, не становясь тем, кто делает, не становясь деятелем.

Он — это пустая лодка, свободно плывущая по морю, никуда не направляющаяся. Хотя и не мыслит себя добрым и мягким.

Позвольте этой мысли этого проникнуть глубоко в ваше сердце. Хотя и не мыслит себя добрым и мягким. — потому что, если вы считаете себя таким, то суть этого вы уже упустили; если вы знаете, что вы простой человек, то это не так. Именно знание все усложняет. Если вы знаете, что вы религиозный человек, то это не так, потому что этот хитрый ум, который, собственно, и знает, все еще продолжает существовать.

Когда вы мягкий, но вы не знаете этого, когда вы просты, а вы не осознаете этого, — тогда это и вправду становится самым вашим естеством, вашей природой. Когда что-то действительно естественно, тогда вы этого не осознаете, но когда что-нибудь навязанно, искусственно, вы о нем знаете. Когда кто-нибудь становится богат — выбивается в новоиспеченные богачи, в этикие нувориши — он постоянно помнит, что у него есть богатый дом, есть плавательный бассейн, есть богатство, и вы сразу увидите, что он не аристократ, потому что ему так нравится демонстрировать все это.

Один нувориш заказал три плавательных бассейна для своего сада. Их сделали, и он показывал их своему другу. Тот был несколько удивлен. «Три плавательных бассейна? Для чего? Хватило бы и одного», — спросил он.

«Нет, ну как его может хватить? — возразил новоявленный богач. — Один с горячей водой, а другой с прохладной».

«А третий?» — поинтересовался у него его друг.

«Ну, третий... третий для тех, кто не умеет плавать. — ответил он и пояснил: — Поэтому третий бассейн мы будем держать пустым».

Вы можете заметить, что, если человек только что разбогател — он будет стремиться демонстрировать свое богатство. Истинный аристократ — это тот, кто забыл, что он богат. Человек, познавший Дао — это аристократ внутреннего мира.

Если человек выставляет свою религию напоказ, то он все еще не религиозен по-настоящему. Его религия все еще похожа на колючку, она неестественна для него, она ранит, он страстно желает продемонстрировать ее. Если вы стремитесь показать свою простоту, так какая же это простота? Если вы выставляете напоказ вашу мягкость, тогда это просто хитрость, и ничего мягкого в ней нет.

Человек Дао — это человек внутреннего мира. Он настолько с ним сонастроен, что это никак не заметно — не только вам, он и сам он об этом не знает. Он не помнит, что он мудр, он не подозревает, что он невинен — как вы можете это знать, если вы невинны? Ваше знание будет мешать невинности.

Последователь Хазрата Магомета отправился вместе с ним в мечеть для утренней молитвы. Было лето, и по дороге обратно они увидели множество людей, все еще спавших в своих домах или прямо на улице. Было раннее утро, летнее утро, а многие люди еще мирно спали. «Что будет с этими грешниками? — очень высокомерно заявил тот человек Хазрату Магомету. — Они проспали утреннюю молитву».

Сам он сегодня впервые ходил молиться. Вчера он так же сладко спал, как и эти грешники. Нувориш хочет выставиться, покрасоваться перед Магометом: «Магомет Хазрат, что случится с этими грешниками? Они не были на утренней молитве, они ленивы и все еще спят».

Магомет остановился и сказал: «Отправляйся домой, а мне придется вернуться в мечеть».

«Почему?» — удивился тот человек.

Магомет ответил: «Моя утренняя молитва из-за тебя пропала зря; от общения с тобой все разрушилось. Мне придется совершить молитву снова. А что касается тебя, то запомни пожалуйста: никогда не приходи опять. Для тебя было бы лучше спать, как другие; по крайней мере, тогда они не были бы грешниками. Твоя молитва имела лишь один результат — она дала тебе повод осуждать других».

Так называемый религиозный человек религиозен только для того, чтобы смотреть на вас с осуждением, поскольку он может объявить вас грешником. Пойдите к святым, так называемым святым, и взгляните им в глаза. Вы не найдете невинности, которая должна была бы там быть. Вы найдете рассчитывающий, все вычисляющий ум, смотрящий на вас и думающий об аде: «Ты отправишься в ад, а я буду на небесах, потому что я так много молился, пять раз в день, и я так много постился». Как будто вы можете купить место в раю!.. Это монеты — пост, молитва — этими монетами пытаются совершить покупку.

Если вы замечаете осуждение в глазах святого, будьте уверены, что он — «нувориш»; он еще не аристократ внутреннего мира, он еще не принадлежит ему, отделен от него. Он может знать его — но вы знаете что-то только тогда, когда оно существует отдельно от вас.

Здесь нужно упомянуть еще об одном: по этой же причине знание себя, самопознание — невозможно. Вы не можете знать себя, потому что когда вы себя знаете, вы знаете не то, что вы называете собой, это не вы сами, это что-то другое, что-то, что отдельно от вас. Мы сами — это всегда познающий, никогда не познаваемое — так как вы можете его, этого познающего, познать? Вы не можете так уменьшить, сократить его, чтобы свести его к объекту.

Я могу видеть вас. Как я могу видеть себя? Кто в таком случае будет видящий и кто будет видимым? Нет, самого себя невозможно познать таким же образом, как мы познаем все остальное.

Самопознание, познание себя — невозможно в обычном смысле, ибо при этом знающий всегда трансцендирует, всегда выходит за рамки. Что бы он ни знал, это не то. Упанишады говорят: нети-нетти (neti neti) — ни то, ни это. Что бы вы ни знали, вы этим не являетесь; что бы вы ни не знали, вы не являетесь и этим тоже. Вы — тот, кто знает, познает, а этого познающего невозможно сократить до познаваемого объекта.

Самопознание невозможно. Если ваша невинность исходит из вашего внутреннего источника, то о ней, ее — вы знать не можете. Если вы навязали ее себе, как внешнее, как маску, то вы можете ее знать; если это всего лишь платье, которое вы надели, то вы знаете о ней, но она не есть само дыхание вашей жизни. Эта невинность — продукт воспитания, а возвращенная невинность — жуткая вещь.

Человек, познавший Дао, не мыслит себя добрым и мягким. Он мягок, но он не знает об этом; он добр, но и этого он не знает; он — сама любовь, но он того не сознает — потому что любящий и знающий не разделены; мягкость, доброта, сострадание — и знающий — нераздельные, их не двое. Нет, их невозможно разделить на познаваемое и познающего. Это

внутренняя аристократичность: когда вы станете так богаты, что даже перестаете это осознавать. Когда вы настолько богаты, незачем выставлять это напоказ.

Мне довелось слышать следующую историю:

Как-то раз Генри Форду случилось приехать в Англию. В справочном бюро аэропорта он поинтересовался самой дешевой гостиницей в городе. Служащий взглянул на него — а лицо его было известным. Генри Форд был известен по всему миру. Всего за день до этого в газетных статьях, посвященных его предстоящему приезду, были помещены его большие фотографии. И вот он стоит здесь, — спрашивая о самом дешевом отеле, одетый в плащ, который смотрится постарше его самого.

Поэтому служащий спросил его: «Если я не ошибаюсь, вы — мистер Генри Форд. Я хорошо помню, я видел ваше фото».

«Да», — ответил тот.

Это привело служащего в полнейшую растерянность, и он воскликнул: «Вы спрашиваете самую дешевую гостиницу, носите плащ, который, похоже, не моложе вас. Я видел вашего сына, приехавшего сюда, он всегда останавливается в лучших отелях, и он был великолепно одет».

Говорят, что Генри Форд ответил: «Да, мой сын ведет себя, как эксгибиционист, он еще очень неуравновешен. Мне незачем останавливаться в дорогом отеле; где бы я ни остановился, я — Генри Форд. В дешевой гостинице я все равно Генри Форд, нет никакой разницы. Мой сын еще очень молод, неопытен, он боится, что подумают люди, если он остановится в дешевом отеле. А это пальто — да, это пальто действительно досталось мне от отца — но это не имеет никакого значения; зачем мне новые тряпки? Я — Генри Форд, что бы я ни надел; даже если я совершенно голый, я — Генри Форд. А все остальное неважно».

Когда вы действительно гармоничны, сонастроены со своим внутренним миром, когда вы действительно богаты в нем, вам незачем показывать, демонстрировать это. Когда вы впервые приходите в храм, ваша молитва будет немного громче, чем молитвы других. Должна быть. Вам очень хочется порисоваться.

Стремление показать себя — это часть эго; не имеет значения, что именно вы показываете. Вы демонстрируете, вы выставляете напоказ. Значит, есть эго, лодка не пуста; а человек Дао — это пустая лодка. Он мягок, не ведая того; он невинен, не сознавая этого; он мудр, поэтому он может действовать как дурак, ни о чем не беспокоясь. Что бы он ни делал — это не разделяет его, его мудрость остается незатронутой, он может позволить себе быть глупым. Вы этого позволить себе не можете.

Вы всегда боитесь, что кто-нибудь сочтет вас дураком. Вы боитесь, что, если другие будут считать вас дураком, вы и сами начнете в это верить. Ведь если столько людей будут думать, что вы дурак, то вы утратите уверенность в себе. И если все продолжают твердить, что вы дурак, то рано или поздно, вы в это поверите.

Лишь мудреца невозможно обмануть, он может выглядеть дураком сколько угодно.

Я слышал об одном мудреце, который был широко известен как Сумасшедший. Никто не знал ни его имени, ни вообще чего-либо о нем, он был известен просто как Сумасшедший. Он был еврей, а из евреев вышло несколько действительно мудрых людей, у них есть что-то такое, некий внутренний источник. Поэтому Иисус и смог родиться среди них.

Этот Сумасшедший вел себя настолько по-дурацки, что встревожилась вся община, потому что никто не мог предугадать, что он выкинет в следующий раз. В религиозные дни, Йом Киппур или другие праздники, вся община была в ужасе: невозможно было предвидеть, что этот рабби устроит, кем он прикинется, как он себя поведет. Его молитвы тоже были безумны.

Однажды он призвал суд, еврейский суд, всех десятеро судей. Суд явился на его зов, и этот рабби заявил: «Я настаиваю на возбуждении дела против Господа Бога, так что решайте, как

наказать этого парня Бога. Я представлю все основания для этого, все доказательства того, что Бог несправедлив и преступен».

Судьи очень перепугались, но они вынуждены были его выслушать, поскольку он был рабби, глава храма. И он разобрал этот случай так, как это делает адвокат в суде.

«Бог, ты создал этот мир, — произнес он, воздев глаза к небу, — а теперь ты шлешь посланцев, чтобы учить нас, как от него отречься. Что за глупость! Ты дал нам желания, а теперь все твои учителя приходят и говорят: „Избавься от желаний“. Ты вообще думал, что делаешь? А если мы совершили какие-то грехи, так на самом деле это ты виновник, ибо зачем же ты создал желания?»

Как суд должен был поступить? Он был прав, но суд постановил, что этот человек окончательно сошел с ума и его следует изгнать из храма.

А человек этот действительно говорит правду. Он так сильно любит Бога, что он с ним на «ты», настолько близки их отношения. «Что ты делаешь? Хватит, остановись, не делай больше глупостей», — просит он. Он должен очень любить божественное, чтобы иметь право так себя вести.

И рассказывают, что Бог сразу остановился, когда тот воззвал. Ему пришлось послушаться этого человека.

И Ангелы спросили: «Ты вдруг остановился, что случилось?»

«Тот Сумасшедший молится. — объяснил Он. — Мне придется послушаться его, ибо, что бы он ни говорил, это все истина, а он так сильно любит меня, что тут всякие формальности ни к чему...» В любви, в ненависти все разрешено, все позволено.

Этот Сумасшедший шел по улице, и к нему обратилась женщина. «Уже сорок лет, как я все мечтаю и мечтаю о ребенке. — попросила она. — И если в течении трех или четырех лет ребенка у меня не будет, то это станет уже невозможно. Помоги мне».

«Я могу помочь, — сказал тот Сумасшедший, — потому что у моей матери была та же беда. Сорок лет она все надеялась и надеялась, но детей все так и не было. Тогда она пошла к Баал Шему, мистику; она рассказала ему обо всем, и он вмешался. Моя мать дала ему очень красивую шляпу. Баал Шем надел эту шляпу, взглянул наверх и сказал Богу: „Что же это ты делаешь? Так несправедливо. В просьбе этой женщины нет ничего дурного, так даруй же ей ребенка“. А через девять месяцев родился я».

Тогда женщина, сияющая и счастливая, воскликнула: «Я схожу домой и принесу тебе шляпу прекраснее, чем ты когда-либо видел. И тогда у меня родится ребенок?»

«Ты не поняла, в чем тут дело, — ответил тот Сумасшедший. — Моя мать никогда не знала этой истории. Твоя шляпа тут не поможет, ты упустила суть. Ты не можешь имитировать религиозность, ты не можешь изобразить молитву. В тот момент, когда ты прикидываешься, ты все теряешь». И когда бы люди ни приходили к этому Сумасшедшему, он говорил: «Не имитируй, не подражай, выбрось все свои писания».

Когда этот сумасшедший умирал, ему пришлось сжечь все книги, что были о нем написаны. Последнее, что он сделал, — он сказал своим ученикам: «Пройдитесь по дому и поищите, и скажите мне, что ничего не осталось, чтобы я мог умереть спокойно. Ни единого письма, написанного мной, не должно остаться; иначе после того, как я умру, люди начнут следовать; а когда вы кому-то следуете, вы теряете самую суть ваших действий». Поэтому все было собрано и сожжено. Тогда он объявил: «Вот теперь я могу спокойно умереть, я не оставляю за собой никаких следов».

Эти мудрецы никого и ничего не боятся. Как мудрец может кого-то бояться? Он может смотреться дураком, с какой стороны ни глянь, ему незачем выставлять напоказ свою мудрость.

Следили вы когда-нибудь за собой? Вы всегда пытаетесь показать свою мудрость, вы всегда

ищите жертву, которой вы можете продемонстрировать свое знание, прямо разыскиваете, охотитесь на кого-нибудь, кто слабее, чем вы — потом вы наброситесь на него и покажете ему, какой вы мудрый.

Мудрому не нужно быть эксгибиционистом. Все, что у него есть — оно и так есть, само по себе. Он не осознает этого, он не торопится это показывать. Если вы хотите найти это, то вам придется порядком потрудиться. Если вам нужно узнать, благороден ли он, то для этого вам придется раскрыться самому.

Он не старается делать деньги
и не возводит бедность в добродетель.

Помните это. Это очень легко — делать деньги; и также несложно делать достоинство из бедности. Это одно и то же. Человек занимается тем, что делать деньги; а потом вдруг он совершенно разоряется. Он доигрался, и больше рассчитывать не на что — и он отрекается. Теперь бедность становится достоинством, теперь он, живя в нищете, заявляет: «Только это — настоящая жизнь, религиозная жизнь». Человек этот — тот же самый, что и был, ничто не изменилось. Маятник был отклонен влево, а теперь он качнулся в другую сторону.

Он не старается делать деньги...
Это понятно; другая часть труднее.
... и не возводит бедность в добродетель.

Он ни беден, ни богат. Он не прилагает никаких усилий, чтобы делать деньги, он не делает ничего, чтобы быть бедным — что бы ни случилось, он позволяет этому случиться. Если подвернется дворец, он будет жить во дворце; если дворец исчезнет, он не будет его искать. Что бы ни происходило, он принимает это, блаженство его нетревожимо. Он не стремится к деньгам, он не стремится к бедности.

Он идет своей дорогой, не полагаясь на других...
Это понять легко.
Он идет своей дорогой, не полагаясь на других,
и не гордится тем, что идет один.

Вы находитесь в зависимости от других, от вашей жены, ваших детей, от ваших отца, матери, друзей, общества; потом вы внезапно все бросаете и сбегаете в Гималаи. А затем вы начинаете собою гордиться: «Я один, сам по себе, никто мне не нужен, я свободен от того мира».

Но даже тогда вы все еще не одни, потому что ваше одиночество еще зависит от этого мира. Как вы могли бы быть одиноки, если бы не было мира, чтобы его покинуть? Как вы могли бы быть одиноки, если б не было общества, чтобы от него отречься? Как бы вы могли быть одиноки, если б не было жены, детей, семьи, чтобы оставить их за спиной? Ваше одиночество зависит от них. Как вы могли бы быть бедным, если бы не было денег, чтобы от них отказаться? Ваша бедность зависит от вашего богатства.

Нет, совершенный человек, человек, который действительно мудр, человек Дао, — он идет своим путем, ни на кого не полагаясь. Если вы полагаетесь на других, вы будете страдать, если вы полагаетесь на других, вы всегда будете в рабстве, вы станете зависимы и слабы. Но это не

значит, что вы можете гордиться тем, что идете в одиночестве. Пребывайте в одиночестве, но не будьте этим горды. Тогда вы сможете появиться в мире, не будучи частью его. Тогда вы сможете стать мужем, не будучи мужем. Тогда вы сможете владеть, не становясь рабом вашего имущества. Тогда этот мир — снаружи, но не внутри. Тогда вы в нем, но он не искажает, не развращает вас.

В этом заключается истинное одиночество — пребывать в мире, не затрагиваясь им. Но, будучи горды, вы теряете. Если вы думаете: «Я стал кем-то», — ваша лодка не пуста, и вы снова пали жертвою эго.

Человек Дао остается неизвестным.

Совершенная добродетель ничего не создает.

«Не я» — это истинное "я". А величайший человек — никто.

Прислушайтесь... Человек Дао остается неизвестным. Не то, чтобы никто о нем ничего не знал, нет, но откроете ли вы его, обнаружите ли вы его — это зависит от вас. Он не делает никаких усилий, чтобы быть известным. Стремление к известности исходит от эго, поскольку эго не может существовать в безвестности, оно существует лишь тогда, когда вы известны. Оно существует, подпитывается, когда люди смотрят на вас, когда они обращают на вас внимание, когда вы — чем-то важны, значительны.

Но как вы можете быть значительны, если никто вас не знает? Когда вы известны всему миру, тогда вы кое-что значите. Поэтому люди так гонятся за славой, а если славы достичь не удастся, они решают стать отъявленными негодьями — но только не быть неизвестными! Если люди не станут хвалить вас, то вы решите лучше подвергнуться осуждению, но вы не в силах вынести безразличия к вам с их стороны.

Я слышал о политике, у которого одно время было множество последователей. Многие уважали и ценили его, пока он не пришел к власти...

Когда вы не у власти, вы выглядите совершенно невинным, потому что, если власти у вас нет, то что вы можете делать, как вы можете проявить себя? Ваша истинная природа становится известна только тогда, когда вы получаете власть.

Вспомните сторонников Ганди в Индии до недавнего времени. Независимость — это такое святое! А теперь все перешло в другую крайность. Теперь большинство из них продажны. Что случилось? Простой закон: когда они не у власти, они смахивают на голубей, они невинны; когда у них появилась власть, они стали похожи на змей, хитрые, продажные, довлеющие.

Ваша настоящая природа проявляется только тогда, когда у вас есть власть. Лишь тогда, когда вы можете причинить вред, становится ясно — будете вы вредить или нет.

Лорд Эктон как-то заметил: «Власть продажна, а абсолютная власть продажна абсолютно». Нет, это неправильно. Власть никогда не продажна, она лишь выявляет продажность, позволяет ей проявиться. Как может власть развращать? Вы уже были развращены, но это никак не могло реализоваться. Вы уже были безобразны, но стояли во тьме. Теперь вы ярко освещены, но не будете же вы говорить, что это свет обезобразивает вас? Нет, свет лишь выявляет ваше уродство.

...Этого политика очень ценили и любили, он обладал очарованием. Затем он пришел к власти, и все стали против него. Он оказался за бортом, его имя стало пресловутым, его ругали на каждом углу, поэтому ему пришлось покинуть свой город; люди не дали бы ему там жить спокойно, так много зла он причинил.

И вот они с женой подыскивали себе новый дом в каком-нибудь другом городе. Они побывали во многих городах, просто чтобы посмотреть и решить, где остановиться. И вот, в одном из городов люди стали забрасывать его камнями. Он обрадовался: «Вот тут мы и будем жить, выберем этот город».

«Ты что, обезумел? — воскликнула жена. — Ты спятил? Люди швыряют камни».

«По крайней мере, они не безразличны», — возразил политик.

Безразличие ранит вас больше всего, потому что это не может существовать в безразличии. Или за меня, или против меня — с этим это смириться может, но только не будь безразличен ко мне, потому что как я тогда смогу существовать, как сможет существовать это? Человек Дао остается неизвестным. Это означает, что он не разыскивает людей, которые бы знали, кто он на самом деле. Если они хотят узнать, то это они должны разыскать его.

Совершенная добродетель ничего не создает.

Это одна из основ жизни Даоса.

Совершенная добродетель ничего не создает, потому что, когда вы совершенны в своей добродетели, вам ничего не нужно. Когда вы добродетельны совершенно, то нет желания, нет мотивации. Вы совершенны. Как может двигаться совершенство? Только несовершенство движется. Только несовершенство желает создать что-нибудь. Поэтому совершенный художник никогда не пишет картин, а совершенный музыкант выбрасывает свой ситар. Совершенный стрелок ломает свой лук и бросает его, а совершенный, как Будда, человек абсолютно бесполезен. Что создал Будда — поэзию, скульптуру, картину, общество? Он выглядит совершенно несозидательным, бесполезным, он ничего не создал.

Совершенная добродетель ничего не создает, потому что ей ничего не нужно. Созидание происходит от желания, созидание происходит от вашего несовершенства. Вы сотворяете что-то как бы для компенсации, потому что вы ощущаете в себе незавершенность, некоторую незаполненность. Когда вы абсолютно совершенны, абсолютно наполнены, с чего это вы станете творить, как можете вы творить? Тогда вы сами превращаетесь в великолепие творения, тогда ваше внутреннее существо само по себе столь совершенно, что ничего больше не нужно.

Совершенная добродетель ничего не создает. Если мир станет добродетелен, то все утилитарные, полезные, практические цели отпадут. В истинно добродетельном мире, совершенном в своей добродетели, останется лишь игра, но не созидание. Тогда все это станет просто игрой. Вы наслаждаетесь этим, но вам это не нужно. Совершенный мудрец абсолютно бесполезен.

«Не я» — это истинное "я".

Когда вы чувствуете, что вас нет, — тогда впервые вы есть, существуете, потому что то, что мы обычно называем "я", — это ничто иное, как эго. Вот почему Будда, Лао Цзы, Чжуан Цзы, все они говорят, что нет "я", нет атмана (atman). Не то, чтобы его и в самом деле не было — они говорят, что нет атмана, нет "я", потому что ваше эго настолько хитро, что может за этим спрятаться. Вы можете говорить: «Ахам Брахмасми (Aham Brahmasmi), я есть Брахман... Ааналь хак (Anal hag), я есть Бог», — и эго может прятаться за этим.

Будда говорит, что некому самоутверждаться, нет "я" внутри вас. Будда добавляет, что вы похожи на луковицу: вы чистите, вы продолжаете счищать уровни, слои, и, в конце концов, ничего не остается. Ваш ум похож на луковицу, продолжайте счищать шелуху. Это и есть медитация — счищаете, счищаете слои шелухи, и наступает момент, когда ничего не остается. Это небытие — ваше истинное я. «Не я» — это истинное "я". Когда лодка пуста, только тогда, в первый раз, в этой лодке — вы.

А величайший человек — никто.

Так получилось, что Будда отрекся от королевства. И он отправился искать из одного леса в другой, из одного ашрама в другой, от одного мастера к другому, идя пешком. До этого он никогда не ходил босиком, но теперь он был просто нищим. Он проходил по берегу реки, ступая по песку, и на влажном песке остались следы его ног.

Пока он отдыхал в тени дерева, их увидел астролог. Астролог этот возвращался из Каши, где обучался наукам. Он достиг профессионализма в астрологии, абсолютного совершенства, и

теперь, поскольку он стал великим специалистом в астрологии, он возвращался обратно в свой город, чтобы заняться практикой. Он взглянул на эти следы на мокром песке и забеспокоился: «Эти следы не могут принадлежать обыкновенному человеку, гуляющему по песку босиком в такое жаркое лето, в полдень! Эти ступни великого императора, чакравартина (chakravartin)». Чакравартин — это император, который правит всем миром. Все признаки указывали на то, этот человек был чакравартин, император всего мира шести континентов. И с чего это чакравартин станет ходить босиком по песку в такой жаркий летний полдень? Это было исключено!

У астролога были с собой его самые ценные книги. Он решил: «Если возможно такое, то значит я должен выбросить все эти книги в реку и навсегда забыть астрологию, потому что это абсурд. Это абсолютно, совершенно исключено — встретить человека со стопами чакравартина. Раз в миллионы лет человек становится чакравартином, и что этому чакравартину здесь делать?»

Поэтому он пошел по следам, чтобы отыскать того, кто их оставил, и увидел Будду, сидевшего, отдыхая, под деревом с закрытыми глазами, и тогда он пришел в еще большее смущение. Астролог совершенно растерялся, потому что лицо Будды тоже было лицом чакравартина. Но этот человек выглядел нищим, и чаша для подаяния была тут же, рядом с ним, он был одет в лохмотья. Но лицо Будды было лицом чакравартина, так что же астрологу оставалось делать?

«Я совершенно сбит с толку, облегчи мое положение. — сказал он. — У меня только один вопрос, который я хотел бы задать. Я видел следы твоих ног и изучил их. Они должны принадлежать чакравартину, великому императору, который правит всем миром, его королевство — вся земля, но ты — нищий. Так что же мне теперь делать? Должен ли я выкинуть все мои астрологические книги? Двенадцать лет моих усилий в Каши были потрачены зря и те люди, которые обучали меня, — дураки. Я зря растратил самую важную часть моей жизни, так успокой меня. Скажи мне, что же мне делать?»

«Не стоит переживать. — ответил Будда. — Это не повторится. Возьми свои книги, отправляйся в город, начинай заниматься своей практикой и не думай обо мне. По рождению я должен был бы быть чакравартином. Эти мои следы отражают мое прошлое».

Все ваши следы отражают ваше прошлое — линии на вашей руке, вашей ладони, несут ваше прошлое. Вот почему астрология, хиромантия — всегда правдивы, когда речь идет о прошлом, но никогда так не правдивы в отношении будущего и уж абсолютно ложны, когда дело касается Будды, поскольку отбросивший прошлое движется в неведомое — вы не в силах предсказать его будущее.

Будда объяснил: «Ты не столкнешься больше с человеком, от которого столько хлопот. Не волнуйся, это не повторится, считай это исключением».

Но астролог попросил: «Еще несколько вопросов. Скажи мне, кто же ты такой: это действительность или мне все это снится? Чакравартин, сидящий, как нищий? Кто ты? Не переодетый ли ты император?»

«Нет», — ответил Будда.

Тогда астролог спросил: «Но лицо твое столь прекрасно, столь умиротворенно, столь полно внутренней тишины. Кто ты? Не Ангел ли ты, сошедший из Рая?»

Будда ответил: «Нет».

Тогда астролог обратился к нему со словами: «Наверное, так спрашивать невежливо, но при виде тебя этот вопрос возникает сам собой. Человек ли ты? Если ты не император, не чакравартин, если ты не дэва из рая, то человеческое ли ты существо?»

И Будда объяснил: «Нет, я — никто. Я не принадлежу ни к какой форме, ни к какому имени».

«Теперь ты еще больше озадачил меня. Что ты имеешь в виду?» — воскликнул астролог.

Это как раз то, что имел в виду Будда:

А величайший человек — никто.

Вы можете быть кем-то, но вы не можете быть кем-то величайшим. Всегда где-нибудь в мире найдется кто-нибудь еще, кто более велик. Но кто этот «кто-нибудь»? Вы — мера. Вы говорите, что этот человек велик — но чем, кем вы измеряете? Собой.

Эта ложка — мера океана. «Этот человек велик», — говорите вы. Это говорите вы, это, также, как и вы, говорят другие: «Этот человек велик», — и он становится великим из-за вас!

Нет. В этом мире никто не может быть величайшим, кем бы он ни был, потому что океан нельзя измерить ложками. А все вы — это чайные ложечки, измеряющие океан. Нет, это невозможно.

Так что действительно величайшим среди вас будет никто. Что имеет в виду Чжуан Цзы, когда говорит: «Величайший человек будет никем»? Это значит — он будет неизмеряемым. Вы не можете его измерить, вы не можете наклеить на него ярлык, вы не можете классифицировать его, вы не можете сказать, ответить на вопрос: «Кто это?» Он просто не поддается измерению. Он просто выходит за пределы — дальше, и дальше, и дальше... А вы можете выбросить вашу чайную ложечку.

Хватит на сегодня.

3. СОВА И ФЕНИКС

Хуэй Цзы был премьер-министром в Лян.
Он считал, что обладает тайными сведениями,
что Чжуан Цзы завидует ему,
и замышляет вытеснить его.
Когда Чжуан Цзы прибыл в Лян,
министр послал слуг схватить его,
но, хоть они и искали три дня и три ночи,
найти его не смогли.
Тем временем Чжуан Цзы сам явился к Хуэй Цзы
и сказал:

"Живет на юге птица —
нестареющий Феникс.

Слышал ли ты об этом?

"Этот бессмертный Феникс взмывает в воздух в Южном океане
и летит к Северному океану,
останавливаясь на отдых только на платанах.

Он ест лишь
редчайшие изысканные плоды бамбука
и пьет воду только из кристальных пресных родников.

"Однажды какая-то сова,
потроша смердящую дохлую крысу,
увидела пролетающего над ней Феникса.

"Подняв голову и озираясь, она угрожающе ухнула,
и прижала крысу к себе
в смятении и страхе.

"Министр,
почему ты так неистовствуешь,
цепляясь за свою министерство
и в ужасе ухая на меня?"

Религиозный ум в основе своей нечестолюбив, непретенциозен. Если есть хоть какое-то амбиции, хоть какое-то честолюбие, то быть религиозным невозможно, потому что только человек высочайших качеств может стать религиозным. Честолюбие подразумевает неполноценность, низшее качество. Попробуйте это понять, ибо это — один из основных законов. Без его понимания вы можете ходить в храмы, вы можете отправляться в Гималаи, вы можете молиться и вы можете медитировать, но все будет напрасно. Вы будете просто растрачивать свою жизнь зря, если вы не разобрались, честолюбиво ли естество вашего ума, или нет. Весь ваш поиск будет никчемным, потому что амбиции, честолюбие никогда не смогут привести вас к божественному. Только отсутствие всякого честолюбия может стать дверью.

Современная психология тоже соглашается с Чжуан Цзы, с Лао Цзы, с Буддой, со всеми, кто познал, что неполноценность порождает амбицию, порождает честолюбие. Поэтому политики выходят из худшей части человечества. Все политики — это шудры, неприкасаемые. По-другому быть и не может, как только ум ощущает комплекс неполноценности, он пытается стать

превосходящим — и рождается противостояние, противоречие. Когда вы чувствуете, что вы безобразны, вы пытаетесь выглядеть красивым. Если вы красивы, тогда и усилия ни к чему.

Взгляните на уродливых женщин, и вы поймете внутреннюю природу политика. Безобразная женщина всегда старается спрятать свою некрасивость, всегда пытается выглядеть прекрасной. По крайней мере лицо, накрашенное лицо, наряды, украшения — все посвящено безобразному. Некрасивость должна быть каким-то образом преодолена и вам необходимо создать противоположное, чтобы ее скрыть, сбежать от нее. Истинно красивая женщина не станет беспокоиться, она даже не будет сознавать свою красоту. А лишь неосознанная красота прекрасна. Если вы начинаете сознавать, появляется безобразие, уродство.

Когда вы ощущаете свою неполноценность, когда вы сравниваете себя с другими и видите, что они превосходят вас, то что вы будете делать? Это чувствует себя ущемленным — вы неполноценны. Вы просто не можете этого принять, и вам приходится обманывать себя и других.

Как же вы обманываете? Есть два способа. Один — это сойти с ума. Тогда вы можете провозгласить, что вы Александр Македонский, Гитлер, Никсон. Тогда обман проходит легко, потому что вас не волнует, что говорят и думают другие. Загляните в сумасшедший дом где угодно в мире, и вы найдете там все великие личности истории, все еще живущие!

В то время, когда Пандит Джавахарлал Неру был жив, по меньшей мере дюжина людей в Индии верила, что они — Пандит Джавахарлал Неру. Однажды он отправился в сумасшедший дом, чтобы торжественно открыть новое отделение. А власти этого сумасшедшего дома устроили так, что он должен был выпустить нескольких пациентов, потому что теперь те стали здоровыми и нормальными. К нему подвели и представили первого человека, и Неру тоже представился бывшему сумасшедшему: «Я — Пандит Джавахарлал Неру, премьер-министр Индии».

Тот сумасшедший рассмеялся и ответил: «Не волнуйся. Побудь тут три года, и ты станешь таким же нормальным, как и я. Три года назад, когда я попал впервые в этот сумасшедший дом, я верил, что я — Пандит Джавахарлал Неру, премьер-министр Индии. Но меня совершенно вылечили, так что не волнуйся».

Такие случаи нередки. Ллойд Джордж был премьер-министром Англии. Во время войны с шести часов вечера начинался комендантский час, затемнение, и всем запрещалось покидать свои дома. Все движение останавливалось, пользоваться светом было запрещено, и каждый должен был где-либо укрыться. Ллойд Джордж, гуляя как-то вечером, совершенно позабыл об этом.

Вдруг завывала сирена. Наступило шесть часов вечера, а его дом был в нескольких милях. Поэтому он постучался в ближайшую дверь и обратился к человеку, открывшему ему: «Позвольте мне переночевать здесь; а то меня задержит полиция. Я Ллойд Джордж, премьер-министр».

Открывший схватил его и рассмеялся: «Заходи. Ты попал как раз по адресу. У нас уже три Ллойда Джорджа!» То был сумасшедший дом.

Ллойд Джордж пытался убедить того человека, что он настоящий. Но санитар был неумолим: «Все вы так говорите, так что не трать времени, давай проходи внутрь, пока я тебе не двинул».

И Ллойд Джорджу пришлось промолчать всю ночь, иначе его действительно могли побить. Чем он мог их убедить? Там было уже три Ллойда Джорджа, кроме него, и все они пытались доказать, что они настоящие.

Один способ — это сойти с ума — вы внезапно провозглашаете, что вы превосходящий, самый высший. Другой способ — удариться в политику. Одно из двух: или сойти с ума, или

заняться политикой. С помощью политики вы не можете внезапно провозгласить — вам необходимо доказать, что вы действительно премьер-министр или президент. Так что это длинная дорога в обход. Безумие — это путь напрямик к важности; политика — это долгая дорога. Но они достигают одной и той же цели.

И если этому миру суждено стать психически здоровым, нормальным миром, тогда нужно излечить эти два типа людей: сумасшедших и политиков. И те, и другие больны. Один пошел длинным окружным путем, другой ломится напрямик. И хорошенько запомните, что сумасшедший менее вреден, нежели политик, потому что он лишь провозглашает свое превосходство, он не беспокоится о том, чтобы доказывать это; политик занимается тем, что доказывает — а доказательство всегда обходится дорого.

Что пытался доказать Гитлер? Что он самый высший, самый превосходный ариец. Для мира было бы лучше, если бы он сошел с ума, пошел по короткому пути; тогда не было бы второй мировой войны.

Политики гораздо опаснее, поскольку они — сумасшедшие с доказательствами. Они — сумасшедшие трудолюбивые, деятельные, устремленные, достигающие цели лишь ради сокрытия в себе неполноценности, второсортности. Если кто-то ощущает свою неполноценность, ему необходимо доказать или просто внушить себе в веру в то, что он полноценен. Вы не можете быть религиозным, если вы безумны. Не так безумны, как безумен Святой Франциск — то безумие исходит из экстаза, это же безумие происходит от неполноценности. Безумие Святого Франциска или Чжуан Цзы происходит от высшего, рождается из сердца, исходит из истинного, первичного источника. А это, другое, безумие происходит от эго. Душа — это всегда высшее, а эго — всегда низшее, неполноценное.

Таким образом эгоисту приходится стать политиком так или иначе — какую бы профессию он ни избрал, с помощью нее он станет политиком.

Что я имею в виду под словом «политика»? Я имею в виду конфликт между несколькими эго, борьбу за выживание. Когда ваше эго и мое эго конфликтуют, тогда мы — политики. Когда у меня нет конфликта ни с чьим эго, тогда я религиозный человек. Когда я не пытаюсь, не стремлюсь быть высшим, тогда я — высший. Но это превосходство — не противоположность неполноценности, это отсутствие чувства неполноценности.

Запомните это отличие. Существует два типа превосходства. В одном случае вы лишь прячете свою неполноценность, скрываете ее, вы пользуетесь маской — неполноценность остается там, под маской. Ваше превосходство лишь внешне, глубоко же внутри вы остаетесь низшим, неполноценным, и вследствие того, что вы продолжаете это ощущать, вы вынуждены носить эту маску превосходства, маску красоты. Из-за того, что вы знаете о своем уродстве, вам приходится умудряться выглядеть красивым, вам приходится выставлять напоказ, приходится являть окружающим фальшивое лицо. Это один тип превосходства; оно не настоящее.

Есть другой вид превосходства, и это превосходство основано на отсутствии неполноценности, второсортности, а не на противопоставлении ей. Просто вы не сравниваете. А когда вы не сравниваете, как вы можете быть низшим? Сами подумайте: если вы на земле один и никого другого нет, то будете ли вы низшим? С кем вы будете сравнивать себя? Относительно чего? Если вы один, так каким вы будете, низшим или высшим? Вы будете не тем, и не другим. Вы не можете быть низшим, потому что нет никого выше вас; вы не можете провозгласить себя высшим, потому что никого ниже вас тоже нет. Вы будете не тем и не другим, не высшим, не низшим — и, поверьте мне, это — высшее состояние души. Она никогда не сравнивает. Начните сравнивать — и сразу возникает неполноценность, второсортность. Не сравнивайте — и вы просто есть: уникальный, единственный в своем роде.

Религиозный человек и есть превосходящий, высший — в том смысле, что

неполноценность, второсортность исчезла. Политик же является превосходящим в другом смысле: он поборол, замаскировал свою неполноценность. Она спрятана, она вся осталась при нем, внутри. Он всего лишь надевает платье, лицо, маску высшего человека.

Сравнивая, вы упускаете главное; и тогда вы вечно будете оглядываться на других. Но нет двух одинаковых людей, и не может быть. Каждый индивидуум уникален и каждый индивидуум высший, превосходящий, но это превосходство не поддается сравнению. Вы превосходящи, поскольку вы не можете быть никаким другим. Именно состояние превосходства — ваше естественное состояние. Вон то дерево — высшее, вон тот камень — тоже высший. Все существование божественно, так как же что-то может быть неполноценно, второсортно? Это — Бог, заполняющий все собою миллионами способов. Где-то Бог стал деревом, где-то Бог стал камнем, где-то Бог стал птицей, где-то Бог стал вами. И существует только Бог, поэтому сравнение невозможно. Бог высший, но не относительно чего-либо — а потому что есть только Бог, и, значит, никакой неполноценности быть не может.

Религиозный человек достигает переживания на опыте своей уникальности, переживает на опыте свою божественность, и через переживание своей божественности приходит к признанию божественности всего. Это аполитично, потому что тогда исчезают амбиции, пропадает честолюбие, вам нечего доказывать, вы уже провозглашены. Само ваше бытие есть доказательство. Вы есть... этого достаточно. Ничего другого не требуется.

Не забывайте этот основной закон. Если и в религии вы продолжаете сравнивать, то вы занимаетесь политикой, а не в религией. Вот почему все религии превратились в политику. Пользуются религиозной терминологией, но за всем этим скрыта политика. Что такое Ислам? Что такое Индуизм? Что такое Христианство? Все они — это политические группы, политические организации, занимающиеся политикой под прикрытием религии.

Когда вы приходите в храм помолиться, вы просто молитесь или вы сравниваете? Если кто-то другой молится рядом, рождается ли в вашем уме сравнение? Желаете ли вы знать, лучше он делает это, чем вы, или вы делаете это лучше него? В этом случае храма больше нет. Храм исчез, он стал политикой.

В религии сравнение невозможно; вы просто молитесь, и молитва становится вашим внутренним естеством. Это не нечто вовне, что нужно сравнивать. Эта не поддающаяся сравнению молитва, не подлежащая сравнению медитация приведут вас к внутреннему превосходству всего сущего.

Будда учит: «Не будь честолюбив, иначе из-за своих амбиций, ты всегда останешься неполноценным». Не будьте честолюбивы — и вы обретете свое естественное превосходство. Оно присуще вам. Оно не нуждается в доказательствах или в достижении, вы уже имеете его, оно у вас есть. Оно уже там — оно всегда было с вами и всегда останется с вами. Само ваше естество обладает превосходством, но вы не ведаете, что это естество у вас есть. Вам неизвестно, кто вы. Поэтому столько сил вы тратите на выяснение вашей ценности, на поиски, на доказательство того, что вы превыше других. Вы не знаете, кто вы.

Если вы знаете, то проблем нет. Вы уже высший. И не только вы высший — все высшее. Все существующее — высшее, безо всякой неполноценности, ибо Бог един, все сущее едино. Не может быть ни высшего, ни низшего. Освободившийся от честолюбия ум приходит к открытию этого.

Теперь давайте вернемся к рассказу Чжуан Цзы. Этот прекрасный случай действительности имел место. Чжуан Цзы направлялся в столицу, и премьер-министру стало страшно. Он, вероятно, получил донесение от своей полиции, от агентов о том, что приближается Чжуан Цзы. А политики всегда боятся, потому что для них все являются врагами, даже друзья — это враги; и вам приходится защищать себя от друзей, потому что они тоже пытаются стащить вас вниз.

Запомните: друзей в политике не существует. В политике все являются врагами. Дружба — это всего лишь фасад. В религии же не существует никого, кто был бы врагом. В религии никакого врага быть не может; в политике не может быть никакого друга.

Тот премьер-министр испугался появления Чжуан Цзы. Превосходство Чжуан Цзы было столь велико, что премьер-министр решил, что Чжуан Цзы пытается занять его место. Ситуация складывалась сложная. И, конечно, Чжуан Цзы был превосходящим; не превосходящим по сравнению с кем-то другим, он был просто превосходящим. Это было присущим, внутренним.

Когда появляется человек вроде Чжуан Цзы, он — король; живет он, как нищий, или нет, — разницы никакой. Кем бы он ни становился, он — король. Быть королем для него — это не нечто внешнее, он является королем по своей внутренней сути.

Просящий милостыню монах (beggin monk) в начале этого века приехал из Индии в Америку; имя его было Раматирса. У него была привычка называть себя Императором. Президент Соединенных Штатов приехал, чтобы повидать его, и был поражен. Тот был просто нищим! «Я не могу понять: почему ты зовешься „Император“? — спросил президент. — Ты выглядишь нищим. А ты даже написал Книгу под названием „Шесть Порядков Императора Рам“. Почему?»

Раматирса рассмеялся и ответил: «Взгляни внутрь меня, царство мое принадлежит внутреннему миру. Посмотри внутрь меня. Я и есть император. Мое царство — не от мира сего».

Из-за этого был распят Иисус. Он всегда говорил: «Я — царь». Его не поняли. Бывший тогда царем Ирод насторожился. Его наместник, Понтий Пилат, решил, что Иисус опасен, потому что тот твердил о царствии и о царе и провозглашал: «Я — царь евреев». Он был понят превратно. Он говорил о другом царствии, которое не от мира сего.

Когда его распинали, солдаты насмеялись над ним, кидали в него камни и, просто ради потехи, надели ему на голову терновый венец с надписью: «Царь евреев». А когда они бросали в него камни, они кричали: «Расскажи нам теперь что-нибудь о царствии, скажи что-нибудь, ты, царь евреев!»

Он говорил о другом царствии, не этого мира; это царствие не снаружи, это царствие внутреннее. Но где бы ни появился человек вроде Иисуса, он — император. Он не может с этим ничего поделать. Он не соперничает ни с одним человеком, он не вожделеет никакой короны этого мира, но куда бы он ни направился, честолюбивые люди пугаются, политикам становится страшно. Этот человек опасен, потому что само лицо, глаза, походка выдают в нем императора. Ему не нужно доказывать это, он сам и есть доказательство. Ему не нужно провозглашать этого, не нужно об этом заявлять.

Поэтому, когда премьер-министр получил донесение от тайных агентов, что приближается Чжуан Цзы, он решил, что тот, должно быть, направляется в столицу, чтобы свергнуть его, премьер-министра; а зачем же еще приходить? Люди приходят в столицу только за этим. Никто не приезжает в Дели за чем-то другим. Люди являются в столицы из честолюбивых целей, в поисках того, в чем нуждается эго, для самоутверждения. С чего бы это ему появляться — факиру, нищему? Что ему за нужда идти в столицу? Он, наверное, идет, чтобы захватить мое место, мое кресло. Он, наверняка направляется к царю, чтобы заявить: «Я именно тот, кто нужен тебе. Назначь меня премьер-министром, и я исправлю все ошибки, которые были допущены до меня. Я разрешу все твои проблемы».

А человек тот, Чжуан Цзы, сиял в ореоле славы, обладая огромным обаянием. Премьер-министру стало страшно. Премьер-министры всегда неполноценны, они низшие. Глубоко внутри сидит комплекс неполноценности, как болезнь, как червь, точащий сердце, они всегда в страхе перед превосходящими их, перед высшими.

Хуэй Цзы был премьер-министром в Лян.

Он считал, что обладает тайными сведениями,
что Чжуан Цзы завидует ему,
и замышляет вытеснить его.

Политики не способны мыслить иначе. Прежде всего нужно понять следующее: вы сами есть то, что вы думаете о других. Ваши желания, ваше честолюбие, ваши амбиции строят вашу модель восприятия, штамп. Если вы гонитесь за деньгами, то вы уверены, что все мечтают разбогатеть. Если вы вор, то вы все время проверяете свой карман; это выдает в вас вора. Ваше внутреннее, скрытое желание, ваши устремления — это язык вашего понимания. Политики всегда думают в терминах заговоров, конспираций: «Кто-то собирается вытеснить меня, кто-то собирается избавиться от меня...» Потому что это то, чем занимаются они сами, это то, что они делают всю свою жизнь: строят заговоры. Политики — это конспираторы. Таков их язык. А вы видите других сквозь призму собственного ума, вы проецируете на других качества, скрытые глубоко внутри вас. Хуэй Цзы подумал: «Этот Чжуан Цзы замышляет сместить меня».

[Читать полный вариант книги](#)